

Сэмюел ДИЛЭНИ

18+

ПОБЕГ ИЗ НЕВЕРИОНА
ВОЗВРАЩЕНИЕ
В НЕВЕРИОН

Мастера фантазии

Сэмюэл Дилэни

**Побег из Невериона.
Возвращение в Неверион**

«Издательство АСТ»

1979, 1983, 1988, 1993

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Дилэни С. Р.

Побег из Невериона. Возвращение в Неверион / С. Р. Дилэни —
«Издательство АСТ», 1979, 1983, 1988, 1993 — (Мастера
фантазии)

ISBN 978-5-17-146160-7

Неверион – это мир патриархальных ценностей и жгучих желаний, мир бесстрашных женщин и мужчин, странствующих в вечном поиске. Здесь происходит бесконечное коловращение реалистичных мифов и вздорных слухов. Здесь правит бал чума, забирающая всех без разбора. Здесь пробуждаются зловещие старые боги, ревниво охраняющие врата между правдой и ложью, между внутренним и внешним, между «да» и «нет». В этой стране немало героев и злодеев, и одна из значительных фигур Невериона – великий борец с рабством Горжик Освободитель, печальный старый человек, сполна вкусивший горечи славы и сладости утрат... Он – плоть от плоти этой волшебной земли, и о его проникновении в Неверион, в мысли, в память, в судьбы тысяч людей расскажут эти страницы.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-146160-7

© Дилэни С. Р., 1979, 1983, 1988, 1993

© Издательство АСТ, 1979, 1983, 1988,
1993

Содержание

Побег из Невериона	6
Повесть о тумане и граните	6
1	6
2	8
3	12
4	13
5	16
6	25
7	27
8	31
9	41
10	47
11	53
Повесть о лицедее	56
1	56
2	60
3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сэмюел Рэй Дилэни
Побег из Невериона.
Возвращение в Неверион

© Samuel R. Delany, 1979, 1983, 1988, 1993

© Перевод. Н. Виленская, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Побег из Невериона

*Посвящается Фрэнку Ромео,
Роберту Браварду, Камилле Декарнен, Майку Элкинсу,
Грегори Фраксу, Роберту Моралесу, Майклу Пеплоу
и, конечно, Айви, распечатавшей файл i*

Нет такого понятия, как абсолютно корректное значение слова: его делает невозможным та самая некорректность метафорической перестановки, которую оно пытается исключить. Некорректность перемещаемости значения и бесконечных синтаксических ссылок за пределами, очерченными корректным значением, – величина материальная. Поэтому навязывание однозначного, самотождественного значения, выходящего за пределы сериальной перестановки, является метафизическим или идеалистическим. Его политический эквивалент – это абсолютистское государство (будь то диктаторское или либеральное), препятствующее перемещаемости власти революционным путем. А политический эквивалент перестановки – силы, которую деконструкция противопоставляет абсолютистским философиям тождественности, – это постоянные, многочисленные революции, открытость материальных сил, препятствующих навязыванию власти.

Майкл Райан Марксизм и деконструкция

Повесть о тумане и граните

Вряд ли можно считать случайностью, что дебаты ведутся вокруг криминальной истории – ограбления и его развязки. В каждом из этих текстов присутствует система правосудия, и действия власти налицо, вопреки отсутствию литературного мастерства.

Барбара Джонсон Критическое различие

1

Несколько мгновений великан спал мирно, но потом на его лицо упала капля, три капли, двадцать капель.

Его ноздри раздулись, ресницы дрогнули. Голова перекатилась по камню.

– Уйди, одноглазый чертенок! Уйди! – прохрипел он. Лежащая на груди рука поднялась, будто отстраняя что-то. Вокруг нее обмоталась цепь.

Эти возгласы и дребезжание цепи разбудили маленького человечка, прикорнувшего под боком большого. Он привстал на колени, и пальцы великана тут же вцепились в его узкие плечики.

– Успокойся, хозяин! – прошептал маленький. – Свет мой, господин мой, любовь моя, жизнь моя!

– Я сон видел, Нойед...

– О чем, хозяин? Что тебе снилось?

Голова маленького заслоняла луну, окруженную ореолом. Крестьяне при виде его предсказывают, что через пять дней пойдет дождь, но так не всегда бывает – заволокут тучи небо, и все на этом.

– Мне снился ты, Нойед.

– Я, хозяин?

– Да, только гораздо моложе, как в давние времена. Грязный и перепуганный, ты лежал на земле, а я вместе с другими...

– Хозяин?

– Либо ты, Нойед, знаешь то, чего я никогда не пойму, а сказать мне не хочешь, либо я знаю то, что, вопреки всей своей борьбе с рабством, никогда не решусь сказать.

– Хозяин... – Нойед уткнулся лбом ему в грудь.

– Погоди-ка. – Горжик нащупал ошейник, слишком большой для тощей шеи Нойеда. – Не надо тебе больше это носить, пора вернуть его мне. – Он разомкнул петлю, но маленькие пальцы Нойеда судорожно, чуть не до кости, вцепились в его запястья.

– Что такое? – Волосы Нойеда пахли псиной и мокрыми листьями.

– Не забирай его у меня!

– Почему?

– Ты сказал, что один из нас непременно должен его носить...

– Здесь да, но днем его ношу только я, как символ существующего в Неверионе рабства.

– Не надо!

Сухой лист трепетал на перилах, словно собираясь слететь с крыши навстречу чьим-то глазам, обращенным вверх.

– Чего не надо?

«Он слышит голоса всех, кто умолял отдать им его ошейник», – думал маленький.

«Я мог бы поймать этот листок и спасти его от тысячи грозящих ему опасностей», – думал большой.

– Это украшение не для тебя, хозяин. Оставь его мне! – Листок упорхнул прочь. – Позволь быть твоим знаменосцем. И это тоже... – Нойед потряс цепь с позеленевшей астробией на груди Горжика. – Завтра ты встречаешься с бароном Кродаром при Высоком Дворе, зачем тебе это? И еще вот... – Он коснулся ножа на бедре Горжика. – Ходи голый, хозяин. Твоя нагота скажет о тебе больше, чем любые доспехи и украшения.

– Почему ты так говоришь?

– Смотри, хозяин! – Нойед перекатился на живот. – Смотри!

Горжик приподнялся на локте.

Часть зубцов у края крыши обвалилась, и между ними виден был двор. У пристройки, вокруг костра, стояли люди – как с оружием, так и без.

– Мы лежим на крыше твоей ставки, а это твои сторонники. После сегодняшней победы ты всего на шаг от того, чтобы стать самым могущественным человеком в Неверионе.

– Нет, Нойед, – хмыкнул Горжик. – В Колхари и тем более в Неверионе моя власть ничего не значит. Победу мы одержали случайно, и плохим я был бы мятежником, если бы чрезмерно ею гордился.

– Но ты *можешь* стать самым могущественным из всех. И чтобы это случилось, кто-то – да хоть бы и я – должен верить, что это возможно. Ходи голый, хозяин. Пусть твое бесстрашие послужит тебе защитой, а мне позволь носить... нет, позволь мне *быть* твоим символом.

– Я не понимаю тебя, Нойед.

– Посмотри вон туда. – Нойед теперь показывал не на мужчин и женщин, собравшихся у костра, а вдаль, где при луне чернели холмы. – Видишь, там туман собирается. К рассвету он затянет весь Колхари и будет держаться, пока солнце его не выжжет. Спустись в этот туман нагим и слейся с ним воедино. Без признаков, по которым люди тебя узнают, ты станешь для

них невидимым – по крайней мере, таким же бесплотным, как этот туман. Твоя власть – невеликая пока, но растущая – станет безграничной и вездесущей. Вот чего ты можешь достичь, став невидимым, отринув все свои знаки отличия. Ты будешь проходить по всем городам империи, как туман, в то время как я...

– Что за чушь, Нойед! – засмеялся Горжик. – Видно, несчастья, перенесенные в детстве и юности, здорово тебя подкосили, раз ты несешь такой бред.

– Нет, не бред! Без одежды, оружия и украшений ты сможешь проникать всюду, а если тебе нужно срочно быть где-то, используй меня! Я в твоём ошейнике буду стоять где прикажешь, как твоя воплощенная воля, и ты освободишься для более важных дел. Ошейник сделает меня невидимым для рабовладельцев, как сделал тебя, знатым господам будет напоминать о бедственном положении рабов, а простым труженикам – о существовании зла, на которое они предпочли бы закрыть глаза. Разве я, кривой заморыш, плохой представитель Горжика? – засмеялся Нойед. – Ты носишь ошейник, потому что был когда-то рабом – я тоже им был. Ошейник способствует твоим плотским желаниям – и моим тоже, как ты мог убедиться. Мы с тобой очень похожи, хозяин, так почему не использовать меня как замену? Почему не двигать меня, как фигуру в игре власти и времени, посылая меня, слугу твоего и шпиона, туда и сюда? Позволь мне быть твоим заместителем на гранитных улицах городов, позволь сделать тебя невидимым. Я буду твоей маркой, ты – моим содержанием. Я буду твоим знаком, ты – моим значением. Ты освободишься, станешь действовать быстрее, достигнешь большего.

– Нет, Нойед, – потому что я знаю то, чего ты не знаешь. А может, и знаешь, но обманываешь меня.

– Хозяин, я буду руками и ногами твоими, поясом твоим и клинком, словом твоим и мудростью. Буду везде, на широких улицах и в укромных дворах. Позволь только носить твой знак.

– Говорю же: нет. Хватит чушь городить.

– Клянусь моей любовью к тебе, к рукам твоим и ногам, к твоему рту, и глазам, и ушам: это не чушь, а мысли разбойника, бродяги, убийцы, которые я долго вынашивал.

– Вздор, вот что это такое. Впрочем... завтра мне идти ко двору, и в твоих словах, возможно, есть доля правды...

И когда великан и заморыш сошли во двор, к стоящим у костра людям, ошейник так и остался на шее Нойеда, а на Горжике больше не было ни астробии, ни ножа, ни меча, ни пояса – он раздал или бросил все это, спускаясь с крыши.

2

Несколько лет спустя молодой контрабандист вел своего вола, запряженного в почти пустую повозку, по окраинным улицам Колхари.

Светила ущербная луна.

Этот крепко сбитый парень мог показаться увальнем, деревенщиной – он не слишком пообтесался с тех пор, как сбежал из деревни в город. Но многие находили его довольно пригожим, несмотря на рябые щеки и лоб. Такое лицо могло принадлежать как крестьянину, так и принцу, но натруженные руки, потрескавшиеся ступни и холщовая повязка на обозначившемся уже пивном пузе ясно давали понять: нет, не принц.

Улица, по которой грохотала его повозка, считалась границей между Саллезе, кварталом зажиточных купцов, предпринимателей, разбогатевших ремесленников, и Неверионой, где стояли фамильные особняки аристократов, – но с недавних пор эта граница утратила свою четкость. Некоторые семьи богатых дельцов жили в одном доме на протяжении трех поколений, а то и титулы получали, выдав свою младшую дочь за чьего-то старшего сына, семьям же аристократов зачастую приходилось пускаться в коммерцию.

Лунный свет лишал красок листву и стволы деревьев.

Сколько еще до рассвета, часа два?

К перекрестку что-то ползло. Бледное, медленное, огромное, как дракон.

Туман, пришедший с холмов, заполнил весь город и приник к морю холодом осеннего поцелуя.

При своем последнем посещении Неверионы в лунную ночь контрабандист видел крыши господских домов до самого Высокого Двора и черные гребни холмов, но теперь и то и другое заволочла жемчужная пелена.

Туман, подступая и слева и справа, клубился вокруг повозки, словно призрачный океан.

Контрабандист оглянулся через плечо. Он, как вы понимаете, много путешествовал и часто оглядывался вот так, думая: «Неужто я прошел весь этот путь?» Пройденное им расстояние рождало и страх, и гордость в его душе. Но сейчас улица позади казалась не столько улицей, сколько двором; туман, поглощая расстояния и сзади и впереди, поглощал заодно страх, гордость и все прочие чувства. Контрабандист, шлепая босыми ногами по мокрым листьям, казался сам себе маленьким и очень одиноким.

Впереди выступили из тумана зубцы на крыше высокого здания. Контрабандист знал, что этот дом, как и несколько соседних, пустует, но о нем ходили легенды. Он приблизился, чтобы получше рассмотреть фасад с обвалившимися изразцами и обломки терракотовых статуй.

Дом когда-то принадлежал южному вельможе, барону Альдамиру. Лишившись власти на юге, барон стал сдавать свой городской особняк другим знатным жильцам, отчего дом пришел в полное запустение. В конце концов его снял мятежный Горжик Освободитель, вознамерившийся искоренить рабство во всем Неверионе. Его часовые стояли у ворот и расхаживали по крыше, всадники подъезжали к воротам и выкрикивали обращенные к предводителю послания.

Говорили, что Освободитель, настоящий великан с виду, сам был когда-то рабом на императорских обсидиановых рудниках у подножия Фальтских гор и даже свободным продолжал носить рабский ошейник, поклявшись не снимать его, пока рабство не будет отменено указом сверху или восстанием снизу.

Позже стали говорить, что его склонность к решительным мерам не слишком беспокоила государство: рабство начало понемногу рушиться еще четверть века назад, когда Дракона изгнал из Высокого Двора Орел в лице малютки-императрицы Инельго, справедливой и великодушной владычицы нашей. Вельмож, купцов и чиновников куда больше тревожила его внешность: внешний вид многое говорит о возможностях, особенно если знаешь, что внешность может быть как правдива, так и обманчива.

Все покушения на жизнь Освободителя заканчивались провалом, но однажды случилось вот что. Безработные бедняки, подкрепленные солдатами из личной стражи придворных (их хозяева предпочли остаться безымянными, как боги-ремесленники), напали на дом Освободителя ночью, в месяц хорька, когда город окутывает туман.

С этого места историю рассказывали по-разному. Одни говорили, что Горжик, услышав приближение толпы, бежал со своими сторонниками из Колхари в Фальты. Быть того не может, говорили другие: нападение было внезапным и обошлось без шума. Скорее всего толпа ошиблась домом из-за тумана, и Горжик, услышав это, успел бежать. Третьи утверждали, что дом был правильный – тот самый, перед которым стоял сейчас контрабандист, – а неверными оказались сведения, что Освободитель находится здесь: тот скрывался совсем в другом месте.

Все рассказчики, однако, сходились в одном: когда захватчики вломались в дом, он был пуст. Часовые у ворот и на крыше отсутствовали. В комнатах не было мебели, в кухне мусора. Бродяги, возможно, перелезали иногда через стену и разводили костры во дворе, но обгорелый хворост вполне мог остаться в кострищах с прошлого месяца или прошлого года. Как предводитель мятежников со своими писцами, офицерами, солдатами, провизией и оружием умуд-

рился исчезнуть из огражденной стеной усадьбы, предупрежденный самое большее за час (а скорей куда меньше), не оставив следов?

Это был еще не конец истории, но тут ее опять рассказывали всяк на свой лад. Освободитель продолжает действовать по всему Неверииону, как на юге, так и на севере, говорили одни. Освободителя больше нет, да и не было никогда, заявляли другие. Был только чудаковатый свободный гражданин, носивший из прихоти рабский ошейник, бродивший по Старому Рынку на Шпоре и разглагольствовавший в тавернах. Да и это был подставной Освободитель, утверждали иные, такой же ложный, как и его мнимая ставка. Великан в ошейнике – это один из его помощников, а настоящий Освободитель мал ростом и крив на один глаз; раньше он был хитроумным разбойником (а может, и рабом) и ошейник носил по неким извращенным плотским соображениям. Да нет же, возражали им: великан – это настоящий Освободитель, а одноглазый – один из его приспешников. И оба носили ошейник, добавляли те, кто якобы видел их. Носили в разное время по разным, вполне здравым, причинам. От одного пьяного солдата контрабандист слышал, что никакого одноглазого вовсе не было; солдат этот служил под началом у Горжика в императорской армии. «Это просто сон такой ему снился. Я это помню не хуже, чем очаг своей матери. Мы стояли ночью на часах у его палатки и слышали, как он бормочет во сне про какого-то одноглазого». «Не было как раз великана со шрамом, – говорил калека-карманник, бывший будто бы в одной шайке с одноглазым. Как-то ночью у костра, в пещерах Макалаты, он рассказал нам про большого десятника со шрамом, который был к нему добр, когда его в юности схватили работорговцы. Просто байка такая». Однако, какую бы непреложную истину ни отражали или ни искажали многочисленные рассказчики, все сходилось в одном – как и в том, что дом Освободителя той туманной ночью был пуст: как раз в такую ночь, когда размываются все границы и контуры, Освободитель (если он существует) и нанесет свой решающий удар.

Возчик и вол снова двинулись сквозь туман. Контрабандист знал больше этих противоречивых историй, чем можно ожидать от человека столь низкого положения. Будь он способен записать или прочесть эти истории, мы назвали бы его даже историографом Горжика, но он был неграмотен, как и большинство тогдашнего населения.

Скорый на улыбку, но не речистый, он и сам себя выставлял полным недоумком, подтверждая это собственными историями (преувеличенными, конечно). Случайные знакомые находили его приятным и сразу же забывали; лишь немногие помнили, какие разумные, в самую точку, вопросы он задавал. И уж совсем немногие разглядели бы в этом парне с широкими запястьями, толстенными пальцами и пивным брюхом человека одержимого.

Где бы ни заходила речь об Освободителе – в городских тавернах, на рынках Колхари, на захолустных постоялых дворах и в пустынных оазисах, – он весь обращался в слух, а после выпрашивал рассказчиков, основываясь на собственных суждениях и на том, что услышал раньше. Трижды ему приходилось доказывать, что он не шпион Высокого Двора, желающий очернить знаменитого борца с рабством. Как-то ночью ему пришлось спасаться бегством из лесного лагеря в восточной Авиле после спора с бывшим работорговцем, потерявшего брата и близкого друга в схватке с громадным разбойником, говорившим по-городскому, и его приспешником-варваром. «Щенок желтой масти, и оба глаза у него, богами клянусь, были в целости! Называли себя освободителями, а сами обыкновенные рабокрады!» Другой на месте нашего контрабандиста давно бы бросил свои расспросы, но он по роду своих занятий научился не слишком бояться опасностей, подстерегающих его на пути.

Постепенно он понял также, что предмет его одержимости – не безобидная сказочка, а целый ворох противоречивых возможностей и переменчивых ценностей. Он собрал достаточно доказательств, чтобы как опровергнуть, так и подтвердить, что Высокому Двору следует опасаться Освободителя.

Источник его интереса к Горжику был, однако, совершенно невинным – что, возможно, и оправдывало его упорство в достижении цели.

Была одна девушка, славная куропаточка...

Она когда-то путешествовала на юг с ним и его другом, коренным колхарийцем, рожденным в тущобах Шпоры; тот нес сплошную похабщину, веселившую, впрочем, его спутника на темных лесных дорогах. Парни возили в Гарт волшебные товары со Старого Рынка; богатые южане давали за них хорошую цену, но с налогом, взимаемым императорскими таможенниками, магия обошлась бы любителям намного дороже.

Он позабыл ее имя, поскольку девушки их сопровождали не раз. У кого же он ее встретил? Ей почему-то нужно было уехать из города, но он забыл почему. Его друга-сквернословия она невзлюбила сразу. Как-то утром, неподалеку от Еноха, когда наш крестьянский парень еще дремал у прогоревшего за ночь костра, она сказала, что пойдет за водой, – это он запомнил даже спросонья. Вскоре колхариец нашел пустой кувшин на пеньке, в двух шагах от их лагеря. Они поискали ее, подождали, гадая, что с ней могло случиться – может, работорговцы схватили? Она ведь уже уходила однажды, напомнил горожанин – без нее только лучше.

Они поехали дальше, и больше крестьянин ее не видел.

Теперь он, пожалуй, и не узнал бы ее, встретив на улицах Абл-айни или Кхакеша, но одни ее слова ему крепко запомнились.

В первый день своего путешествия они сделали привал, как только выехали из города. Девушка, сидя на бревне, играла с цепочкой, на которой носила странное украшение с варварскими знаками по ободу. Он забыл ее лицо, но коричневые пальчики на бронзовом диске врезались ему в память до зубовного скрежета.

«В городе я встретила одного человека, – говорила она, – чудесного человека. Друзья его называли Освободителем. Мы вместе ходили по Старому Рынку – он хорошо знает и рынок, и Колхари, и весь мир. Много о нем говорить не надо, это опасно, но я встретила с ним еще раз, в большом старом доме, который он в Неверионе снимал. Ты бы тоже подумал, что он чудесный, я знаю. Он храбрый, добрый, красивый, совсем как ты, хотя у него шрам на лице. Он подарил мне...»

На этом воспоминание обрывалось. Что подарил: нож, который она всегда носила за поясом, прикрывая складками платья? Само платье? Украшение на цепочке? Пригоршню железных монет, которые бережливая горянка тратила скупно? Она много чего говорила, а он не слушал – скоро она привыкла, что он не откликается на ее слова. Любила поговорить, как и его друг-горожанин, – то-то они и не ладили. Только такому, как он, молчуну хорошо с болтунами – друга, к слову, он уже год как не видел. Лишь много позже, когда девушка ушла, а нападение на дом Освободителя обсуждалось от Элламона до Адами, контрабандист вспомнил ее рассказ – тут-то и зародилась в нем его мания. «... Чудесный! Храбрый, добрый, красивый, совсем как ты! Он подарил мне...» Удивительно, что он и это запомнил, пораженный тем, какого она о нем мнения, – но теперь ее слова всегда добавлялись к тому, что говорилось об Освободителе. «Мы вместе ходили по Старому Рынку... большой старый дом в Неверионе...» Вслух он об этом не поминал и лелеял свое сокровенное знание, подкрепляя его постоянными расспросами. Иногда он, впрочем, вставлял в разговор замечание девушки про шрам на лице; про шрам говорили многие, многие другие называли Горжика одноглазым, некоторые приписывали ему и то и другое, некоторые всё отрицали. Но она была первая, и потому он относился к ее словам как к истине, которую окружал другими историями, добиваясь наибольшего правдоподобия, – однако другая, пытливая часть его духа, упорно роющаяся в чужих воспоминаниях, даже самых нелепых (поблекших от времени или раздутых воображением или самохвальством), придавала им такое же значение, как и словам позабытой девушки.

За эти годы у него было еще три женщины, одна моложе его, две постарше. Только молодая как-то терпела его рассуждения насчет Освободителя, но и ее ненадолго хватило. Не потому ли он так легко расставался с ними?

Хотел бы он знать, сохранила ли та пропавшая горянка свой интерес к Горжику.

Он снова повернул за угол, и дом, то ли принадлежавший Освободителю, то ли нет, скрылся в тумане.

3

Очень скоро он разглядел в тумане ворота. За все свои ночные посещения этого дома он так и не понял толком, кто из вельмож им владеет, – впрочем, он приходил не к хозяину.

Городской стражи можно было особенно не опасаться, но контрабандист все-таки огляделся и вроде бы различил в отдаленной стенной нише копьё.

Услышав за дверью «псст», он придержал вола.

В глазке мерцал желтый свет.

– Пришел, значит. Хорошо. – Лампу поставили на полку, скрежетнуло железо, из двери убрали сперва одну доску, потом другую. – Ну и туман, – сказала старуха. – Самая погода для дурных дел. Я-то знаю, насмотрелась. Хотя вашему брату туман только на руку, верно? Надеюсь, он уйдет за тобой на юг, а мы опять будем видеть луну и солнце. Помог бы, что ли, малец, – проворчала она кому-то, – да уж ладно, сама управилась. Тащи мешок, только тихо, не разбуди девку, что вчера наняли – ей про наши дела знать не надо. – Позади нее что-то зашуршало, и старуха, снова цыкнув «тихо ты!», протянула контрабандисту мешок. – Забирай и ступай. Ступай, говорю. Ты знаешь, что делать. Доставишь его в то же место и получишь такую же плату.

– Можно мне теперь на улицу выйти, бабушка? – пропищал позади невидимый варваренок. Темная щека под капюшоном старухи, на которую падал свет, показывала, что никакого родства между ней и мальчиком быть не может. – Никто меня не увидит, – продолжал мальчуган, – я мигом...

– Еще чего! – прошипела женщина. – Так я тебя и отпустила в такую-то мглу. Сейчас на улицах кого только нет – и воры, и убийцы, и прочие лиходеи, вроде вот этого. – От улыбки ее лицо сморщилось еще больше. – Ну же, бери.

Контрабандист взял мешок из ее руки, почти такой же крупной, как его собственная. Еле удерживая двумя руками груз, который она держала одной, он свалил его в повозку – мешок брякнул – и прикрыл старомодными трехногими горшками, связанными вместе за ручки. Согласно недавнему указу Высокого Двора, незапечатанные сосуды не могли использоваться в магии и потому налогом не облагались. Дверные доски вернулись на место, засов задвинули.

– Пойдем-ка, – глухо произнес старушечий голос, – давай руку... – Огонек в глазке стал уменьшаться и скоро совсем пропал.

Луна плавала в тумане мутным пятном. Контрабандист потуже натянул верх повозки и повернул вола в обратную сторону.

Стало быть, он из тех лиходеев, что рыщут в туман по улицам. В тяжелом мешке лежали мелкие, плоские, с круглыми краями предметы – ничего примечательного. Он снова везет контрабанду на юг, от одних незнакомых людей другим, не зная, что именно везет, – ну, разве догадываясь.

На первых порах он обычно смотрел, что там в мешках: соль, серебро, драгоценности, волшебные амулеты, а то и запечатанные, позвякивающие сосуды-буллы, заменявшие в те времена товарные накладные. Но среди контрабандистов бытовало поверье, что чем меньше ты знаешь о своем грузе, тем лучше для клиента, а в конечном счете и для тебя, и наш парень из уважения к старшим заглядывал в мешки лишь в самом конце поездки. Как-то раз он забыл

посмотреть, потом стал забывать все чаще и чаще, потом совсем перестал. Теперь он вспоминал об этом как об ошибках молодости – выходит, он больше не молод? Ну да, если подумать, он очень долго занимается этим промыслом. Может, он потому и любопытствует обо всем, что касается Освободителя, чтобы не любопытствовать о том, что поближе. На юг по поручению этой старухи он ехал уже в третий раз. Сначала его к ней направил собрат по цеху: «Повернешь туда-то, потом туда и приедешь к дому в такое-то время...» Он мог честно сказать, что не знает ни ее имени, ни кому она служит, не знает, для кого она это делает: для себя, для хозяина или для кого-то еще. «Я ничего о тебе не знаю, рассуждал контрабандист, говоря сам с собой, – но и ты обо мне ничего не знаешь, старуха. Не знаешь, что говоришь с человеком, у которого в жизни есть страсть и цель. Отсюда можно камнем добросить до дома Освободителя, но тебе невдомек, что я знаю об этом прославленном доме и этом герое больше кого бы то ни было, кроме разве его одноглазого подручного – больше всех в Неверионе, если мои выводы, конечно, верны».

«А мне-то что, – отвечала она; он слышал ее столь же ясно, как если бы она сидела в его повозке. – Это поможет тебе в работе? Сделает тебя храбрее, умнее, проворнее, осторожнее?»

«Эх, бабка, – возражал со смехом контрабандист, – ты, я вижу, из тех, кто судит о людях только по их работе, как будто в жизни больше ничего нет».

Он шел, шевеля губами в тумане, приводя воображаемой собеседнице один довод за другим, обмениваясь с ней репликами, то гневными, то уступчивыми. Иногда в спор вступали старухин варваренок и пропавшая девушка с гор.

... Человек со страстью и целью такими же высокими в своем роде, как цель Освободителя, а может, и выше: они охватывают все его прошлые и нынешние деяния, но при этом свободны от чувств, ведущих к ошибкам и поражениям; со страстью и целью, которые, при всем своем беспристрастии, не имеют ничего общего с мелкими делишками, обманом и лестью, составляющими нашу с тобой повседневную жизнь.

Но он уже повернул в Саллезе – Невериона осталась позади.

Он оглянулся на дом Освободителя: споря с воображаемыми противниками на предмет героических преданий, он умудрился пройти мимо главного средоточия этих легенд; теперь дом бесследно скрылся в тумане, а может, пропал навсегда.

Контрабандист подумывал вернуться, перелезть через стену и поразведать, добавить ко всему слышанному что-то из первых рук, лично осмотреть пустые комнаты, по которым ходил, возможно, Освободитель.

...И что? Это делает тебя храбрее, умнее, проворнее, осторожнее? (Бабка опять взялась за свое.) Нет, не время сейчас лезть в легендарный дом, бросив повозку с контрабандой на улице. Можно ли найти следы Освободителя в месте, давно разграбленном злобными мародерами? Он вернется в Колхари через несколько недель, когда туманных ночей будет еще предостаточно.

4

Город смыкался вокруг, окружая его стенами из песчаника и дощатыми дверьми. Лунные блики на мокрой мостовой говорили о недавнем дожде, хотя на контрабандиста не упало ни капли.

Старик с большой заплечной корзиной, прикрепленной пальмовой веревкой ко лбу, перешел через дорогу и скрылся в тумане.

Из двери вышли три человека, потом еще два. Один держал лампу, заправленную дешевым, дающим красный свет маслом. Переговорив, они опять вошли в дом, только одна женщина побежала куда-то, а мужчина крикнул ей вслед с порога: «Да, беги и скажи ему, что меня послали сюда за... – Контрабандист не расслышал, за чем; это, возможно, касалось знахарства,

и без колдовства уж точно не обошлось. – Я скоро, мигом!» Туман не давал рассмотреть, как эти люди одеты и какое положение занимают. Мужчина говорил, однако, как чужеземец и был, похоже, родовитее обитателей этих мест.

Контрабандист понимал, что никогда ничего не узнает об этих людях. Их история, может стать, не менее занимательна, чем легенды об Освободителе, но это всего лишь безликие тени; он знал, что забудет их очень скоро, как и все, с чем встречаешься в городе.

Он повернул с Черного проспекта на Мостовую, сходящую к Шпоре. Луна играла с туманом на стенах домов. Он собирался выйти из Колхари по одной из южных дорог ранним утром, когда везут товары на рынок, – так оно безопаснее.

За час до восхода рыночные дворники зажгли факелы у въезда на мост; один уже прогорел до головешки и сильно чадил.

Контрабандист с трудом различал непонятные надписи на стенках моста. Хорошо, что туман мешает видеть эти каракули, которые прибавляются с каждым днем. Первые надписи, с год назад, делали школяры, приходившие сюда из школ в пригородах; потом они стерлись, и стали появляться какие-то новые знаки. Их, на рассвете и на закате, думая, что никто их не видит, чертили не только школяры, но и дворяне, и варвары, пользуясь красной глиной и горелыми деревяшками. Другой контрабандист, городской сквернослов, пытался научить друга их разбирать, но тот хоть убей не мог ничего запомнить. С досады они рассорились, и их дружбе пришел конец, хотя время от времени они виделись. Колхариец говорил, что здесь записаны ругательства верблюжьих погонщиков, включающие в себя женские детородные органы, мужское семя и кухонную утварь.

Наш парень, не умея прочесть эти знаки, старался не замечать их – они лишь отвлекали глаз от более важных вещей.

В лунные ночи факелы обычно не выставляли, и рыночная площадь за мостом, еще пустая, была хорошо видна – вплоть до фонтана и воды в нем. Теперь они горели из-за тумана, порой совсем затмевавшего луну. Повозка въехала на мост, и слабый огонек, осветив на миг горшки под холстом, отошел назад. Еще немного, и моста впереди вовсе не стало видно.

Контрабандист тянул вола за собой; мост, само собой, никуда не делся, но ему, признаться, было не по себе.

В полдень на площади выкрикали новости глашатаи малютки-императрицы. Там, кажется, помост есть? Он давно уже не слышал глашатаев.

Из тумана проступили плиты мостового настила.

Какой-то мальчуган у перил дергал себя за волосы. Одна сандалия у него потерялась, остались только тесемки на грязной голени, другая еле держалась.

Контрабандист, проходя, отвел глаза от помешанного и снова погрузился в туман.

Днем и вечером мост служил не только для въезда на Старый Рынок: здесь торговали телом. Но вскоре после заката и закрытия рынка, способствующего их промыслу, шлюхи обоего пола уходили вместе со скоморохами, укротителями медведей, акробатами и музыкантами. Они ведь тоже, говорил контрабандисту его приятель лицедей, развлекают публику, только по-своему.

Когда последний гуляка переставал созывать друзей, последний мужчина в годах, перебравший пива и сидра, переставал искать утешения и последние старухи убредали к себе на Шпору, мост мог показаться пустым, но кое-кто на нем еще оставался. Они были там, конечно, и днем, но оставались незаметными в общей суете: сумасшедшие, бездомные, страдающие бессонницей.

На рынке за мостом еще затемно собирались путники, чтобы за пару монеток уехать с обратными возчиками в одну из ближних провинций. Некоторые владельцы повозок возили не столько товары, сколько людей, и малютка-императрица распорядилась поставить на рынке навес и бревенчатые скамейки для удобства отъезжающих.

Застланная туманом луна освещала разве что четверть неба.

Итак, здесь правили торговля телом, безумие и путешествия. У каждой ипостаси были свои часы, но молодой контрабандист ходил через мост в разное время и знал, что и то, и другое, и третье присутствует здесь всегда, пусть и в малом числе. Сам он относился сейчас к путешественникам, раньше одно время приторговывал собой и как-то провел здесь целых три недели, находясь на грани безумия. Он вспоминал, как поспорил с тем лицедеем, а потом они вместе поужинали; вспоминал вкус подгнившей морковки, которую подбирал с мостовой; разговоры о том, каких мальчиков предпочитает тот или иной барон; рыжую девушку, носившую воду из колодца неподалеку. Вспоминал и говорил мысленно, вытесняя все прочие голоса: «Я, возможно, знаю про Освободителя то, что он и сам не помнит. Но кто еще знает, что я это знаю? Никто. Ни безумцы, блуждающие здесь ночью, ни шлюхи и сводники, промышленяющие днем, ни заговорщики с красной лампой».

Приближаясь к рынку, он сперва услышал, а потом и увидел мальчишек-варваров на ведущей под мост лестнице (под навесом для путников, как маленькие луны, горели факелы). Мальчишки были голые, и один бегал то вверх, то вниз.

Контрабандист придержал вола; его обогнали женщина с узелком и старик, шедшие до сих пор сзади.

Варвар лет четырнадцати присел перед ними на корточки; его светлые волосы отливали серебром при тусклом неверном свете.

– Куда путь держите, люди добрые? Не хотите сказать? Ну и зря. Я за вами не пойду, не ограблю вас, ничего вам дурного не сделаю. Зря вы меня боитесь, добрые горожане!

Пара молча шла дальше.

Контрабандист, потрепав вола по костистой холке, стал спускаться по лестнице. Что за сборище такое? Только карманники воруют большой компанией. Под лестницей были пробиты в камне канавки: здесь справляли нужду мужчины, а женщины делали это на другой стороне. Парню помнились другие лунные ночи, когда мост отбрасывал на берег густую тень. Бывало, он и спал здесь, прислонясь спиной к изрисованному камню.

В эту ночь тени не было – только мглистый свет. Здесь были другие варвары, моложе и старше тех, наверху. Один старик как раз говорил мальчишке:

– Что ты здесь делаешь в такой поздний час, малыш?

– Я тебе не малыш, – отрезал белокурый отрок.

– Ага, – подтвердил другой, еще меньше. – Он знает, что почем.

Контрабандист поддернул набедренную повязку и направил струю в канаву. Варвар, стоящий поблизости, то ли еще не начинал, то ли уже помочился. Свои белесые волосы он заплетал в толстую косу за ухом. Такие косицы часто встречались в Колхари, хотя, как правило, не у варваров: их носили солдаты императорской армии, опустошившие в свое время земли, из которых теперь прибывало все больше белокурых южан.

Сразу за ним, куда уже не достигал свет, виднелась совокупающаяся пара, но кто ее составлял – две женщины, двое мужчин, мужчина и женщина, – оставалось только гадать. Контрабандист надеялся на первое, предполагал второе (учитывая свой опыт), а вслух бы сказал, что третье, хотя бы из уважения к предрассудкам того времени, – но тут же добавил бы, посмеиваясь, что и те, и другие, и третьи наверняка делают это лучше, чем он.

Он поправил повязку на чреслах. Все телесные отправления доставляли ему странное удовольствие еще в детстве, а в зрелости добавились и другие радости.

Поднимаясь обратно, он услышал:

– Куда идешь, колхариец? Ну же, скажи! Боишься, что я увяжусь за тобой? Что ограблю? Что побью? А ты не бойся!

Идущий по мосту высокий мужчина в белой тунике с темной каймой на рукавах не обращал ни малейшего внимания на юного варвара. Если он так одет, у него должен быть свой

выезд, а он идет с мешком за спиной, чтобы сесть в чужую повозку. Видать, тогда ему пристала не больше, чем коса тому варвару.

– Ты чего дурака из себя строишь, варвар? – спросил другой парень, подходя к первому. Тот отскочил назад, ухмыляясь.

– Я просто спрашиваю добрых горожан, куда они...

– Потому что и впрямь дурак, да? – сказал второй и захватил его за шею согнутой в локте рукой.

– Пусти! – захрипел любопытный. – Пусти, варвар бешеный!

Второй уволок его вниз по лестнице, а контрабандист тронул с места вола и пошел дальше.

С женской стороны поднимались, оживленно болтая, пять девушек. Тоже варварки, но в городе, как видно, не со вчерашнего дня.

– Гляньте-ка, сколько парней! – хихикнула шедшая позади. Один из подростков крикнул что-то им вслед на своем языке. Одна, очень кстати, спохватилась, что забыла что-то внизу, и все прочие устремились за ней.

У перил сидела еще одна девушка лет пятнадцати-шестнадцати, с завязанным лозой узелком. Рубаха у нее на плече порвалась, на щеке виднелось пятно, а может, синяк. То ли путница, то ли нищенка, не понять. Если нищенка, то должна была сильно постараться, чтобы вызвать такие сомнения.

Бормочущая старуха тащила мешок с тряпками, черепками, деревянной шпилькой и кожаным ожерельем из провинции, где отродясь не бывала (контрабандист знал, что в нем, потому что такие мешки часто рвались у него на глазах).

Человек в тоге обращал на нее не больше внимания, чем на любопытного варвара. Девушка отвела глаза.

Мост кончился, повозка въезжала на рынок.

Желающие уехать сидели на скамейках под факелом, возницы понемногу съезжались. На кирпиче у деревянной стенки навеса спал человек в овчинных обмотках – такие носят рабочие, разбирающие дома на снос. Подошвы новые, не потертые, а набедренная повязка грязная и дырявая. Может, и он нищий – а нет, так пьян беспробудно.

Дворник поливал площадь из ведра и ширкал метлой. Один ручеек, должно быть, лизнул спящего: тот вскочил, плюхнулся на скамью и снова заснул, показывая грязную шею под аккуратно подстриженной бородкой. У каждого своя история: и у него, и у человека в тоге, и у девушки в рваной рубахе. Ярлык «притворщик» или «нищий» навесить легко – в жизни все намного сложнее.

Торговцы еще не начинали ставить свои ларьки.

Контрабандист завел вола туда, где стояли другие упряжки. Постояв так часок, они поедут вместе с другими обратными возчиками – не с первыми и не с последними.

Он обмотал вожжи вокруг козел, надел торбу с сеном на шею вола. Вол облизал ему пальцы и захрустел. Контрабандист хотел было сесть под навес, но решил, что на одном месте, где его могут запомнить, лучше не оставаться – лучше пройтись.

Он вступил на мост, все еще застланный туманом, и снова услышал: «Варвар, чего дурака валяешь?», а потом и увидел всю кучку. Чуть дальше от них кто-то сидел на перилах.

5

Контрабандист не сразу рассмотрел, кто – мужчина или женщина, взрослый или ребенок. Плечи узкие, колени широко расставлены, ступни упираются в камень.

Потом он увидел худое лицо, одинокий моргающий глаз, завязанный тряпкой другой, застрявшие в узле волосы, железный ошейник.

– Доброе утро, – сказал человек в ошейнике – теперь стало ясно, что это мужчина. – Что делаешь на мосту в такой час?

– Да так, гуляю, – улыбнулся контрабандист. Он не раз уже видел людей в ошейниках. Рабы в Колхари встречаются редко – разве что в свите какого-нибудь провинциала, но вкусы клиентов, приходящих на мост, очень разнообразны. – Тебе-то что?

– Рынок еще не открылся. Самое время в постели лежать, в обнимку со своей половиной.

– Моя работает на господской кухне в Неверионе. – Он сам удивлялся, как легко частицы жизни складываются в такую вот ложь, а иногда и в сны. – Мы с ней не часто видимся.

Ладони незнакомца были обмотаны кожаными тесемками – так принято в одной провинции, контрабандист не помнил в какой.

– С кем же ты тогда любишься? – напрямик спросил он.

В памяти контрабандиста всплыли три женских лица. Одна моложе чуть не вдвое и почти черная, две другие лет на десять старше, светло-коричневые. После пустого года они внезапно вошли в его жизнь (старшая почти три месяца протянула) и захлестнули ее потоком страстей. Он уже месяц никого из них не видел и не сказать чтоб соскучился. Куда лучше, когда девушка служит на чьей-то кухне.

– А с кем придется, – сказал он.

– Так, может, со мной пойдешь? – Человек спрыгнул на мост. Такие же тесемки оплетали и его икры.

Иногда мысли складываются на языке дольше, чем на письме, а наш контрабандист писать не умел. Сейчас он обдумывал то, что, несомненно, пришло в голову и нам с вами. Извращенцы в ошейниках встречались в Неверионе довольно часто – всякий, кто промышлял на мосту, быстро это смекал. Ошейник мог означать что угодно, в первую очередь то, что желания его носителя в число самых распространенных не входят. Да и это было не более верно, чем предсказание дождя по окруженной ореолом луне. Контрабандист знал также, что у калек и слепцов точно такие же нужды, как и у всех остальных: паралитик или глухонемой может иметь столь же утонченные желания, как судья или полководец. Те, кто может себе это позволить, слепые и кривые в том числе, покупают на мосту, как и все остальные. Пример – вот этот одноглазый, сильно смахивающий на разбойника.

А ошейник, кстати, часто носил как Освободитель, так и его одноглазый помощник.

– Пойдем, если недалеко, – сказал контрабандист, – а то и под мостом можно.

– За деньги или за так? – спросил одноглазый. – Там внизу, у отхожих канав, битый час стоит варвар с косой за ухом. Если б я хотел за железяку, заплатил бы ему, но я не хочу.

Контрабандист прибегнул к испытанному средству и прикинулся полным недотепой.

– Значит, и мне не заплатишь? На этой неделе я таскал бочки в гавани, на прошлой пытался тут поработать, на позапрошлой работал в горах – чистил одному трактирщику погреб. Не знаю уж, что у меня хуже выходит. – Эти три недели были, конечно, такой же выдумкой, как и кухонная девушка. – Тут на мосту мне порой давали пару монеток, но последнее время я мало с кем разговаривал. – Чистая правда. – Колхари – город одиноких. Я пойду с тобой за компанию, а ты мне что-нибудь дашь – идет?

– Если «что-нибудь» значит «ничего», то пошли.

– Эй, погоди! – Контрабандист догнал кривого, шагавшего к рынку. – Что уж так-то... Потом сам решишь, чего я стою – знаю, что немного, так я много и не прошу. Ты откуда сам будешь? Откуда пришел на эти мокрые камни?

– Задаешь такие вопросы в такую ночь, на этом мосту? – Единственный глаз смотрел с веселым недоверием. Так смотрят на пятнадцатилетнюю варварку, спьяну выдающую себя за благородную деву.

Контрабандист потупился и с застенчивой улыбкой потер мочку уха.

– Ну, может, у тебя золотишко водится...

– Золотишко? Ха! Не настолько ты молод.

– ...Или пара железяк, – продолжал наш парень как ни в чем не бывало. – Очень бы ты меня выручил. Я ж теперь не работаю, а девушка не часто меня навещает. Думает, поди, что любовник я неважнецкий. С мужчинами у меня вроде бы лучше получается – стараюсь, во всяком разе. – «Может, я уже не так молод, – думал он, поглядывая на одноглазого, – но на твоём месте тоже не торговался бы». – Моя девушка не знает, что я хожу сюда, да и не надо ей знать. – Всем женщинам, с которыми он спал начиная со своих шестнадцати лет, контрабандист рассказывал про свои похождения с мужчинами, и они слушали как замороженные – можно было и без предварительных ласк обойтись. Не рассказывал, только если это мог услышать другой мужчина. Трём последним он рассказал, и что же? Разве они не восхваляли его нежность и сноровку в любовных трудах, разве не просили его остаться? Младшая, чтобы привязать его к себе, отдавалась ему во всех позах, какие знала, старшая делала это куда искусней, да еще и деньги ему предлагала. Он сильно оскорбился, но взял, вспомнив, должно быть, про мост, – и все равно ушел. Средняя нравилась ему больше всех, но у нее были дети, хозяйство – его она терпела только ради утех. Виду, правда, не подавала, но по-настоящему в нем не нуждалась. Веснушек ни у одной из них не было, а без этого, как он с растущей горечью понимал, с женщинами любиться все равно что с мужчинами или животными.

Он переходил от одной к другой, весьма довольный собой (как животное), но потом каждая узнала о существовании двух других.

Тут и слезы, и крики, и обвинения, из-за которых провинциальному приставу впору взяться за кнут! Младшая была очаровательной дурочкой, мать семейства обращалась с ним жестко, а все три вместе... Он скучал по ним, а теперь вот снова рассказывал о своей любовной несостоятельности, как будто прятал за ней какую-то важную истину.

– Я пойду с тобой, – повторил он. – Я это не часто делаю и не слишком в этом хорош – но если моя не узнает, то и страдать не будет. Она ж далеко отсюда, в Невериионе.

Одноглазый в своей кожаной юбке шагал себе дальше, будто ему и дела не было до любви. Они прошли мимо юных варваров. «А мне-то куда идти?» – спросила какая-то женщина, и один из парней указал ей на противоположную лестницу. Кривой обогнал контрабандиста на три шага, на шесть, на девять.

Тот поспешал за ним. Поредевший туман позволял уже различить фонтан посреди площади. Вода лилась в чашу, растекаясь через край по канавкам. Жительницы пустыни – одна светила другим факелом, и ожерелье на ее шее сверкало – ставили свой лоток.

– Знаешь, – сказал контрабандист, догнав наконец кривого, – я как-то встретил тут одного южанина. Варвара, не старше меня. В ошейнике, как и ты. Я ему приглянулся и пошел с ним, как иду с тобой. Он сказал, что в своих местах, на юге, был принцем, а потом его взяли в рабство – по-настоящему. Схватили у него дома, на юге, увели на север, в Элламон, и там продали. А освободил его тот, о котором все говорят, знаешь? Горжик Освободитель? Который хочет искоренить рабство? Варвар сказал, что они вместе сражались с рабовладельцами на западе. – На одноглазого контрабандист намеренно не смотрел. – Я ему говорю: «Освободитель, должно быть, замечательный человек». А он знаешь что мне ответил? «Ненавижу его, – сказал. – Он освободил меня из рабства, но не освободил вот от этого». Это он про ошейник, смекаешь? «Он сделал только половину работы, и я за это убью его, если смогу!» Что ты на это скажешь?

Одноглазый обращал на него не больше внимания, чем коренной горожанин на дразнилки варваров.

Они пересекли площадь.

Контрабандисту в самом деле случалось говорить и с варварами, и с людьми в ошейниках, и с рабами, и даже с работоторговцами. Из этих бесед, из наблюдений, из обрывков историй об Освободителе и его друге-варваре, ставшем после врагом, он вынес убеждение, что этот варвар

– не выдумка, и хотел проверить свой вывод на ком-то, могущем это подтвердить; однако у фонтана ему подумалось, что история о варваре, в сущности, мало чем отличается от прочих побасенок.

– Того варвара в ошейнике я давно уже не видал, – сказал он. (А если по правде, то не видал никогда.) – Должно, случилось с ним что-то неладное. Говорят ведь: тот, кто не появляется больше на Мосту Утраченных Желаний, помер, как только его перешел. Может, его убили. Я слыхал, будто Освободитель где-то на Шпоре убил варварского принца, напавшего на него. Но не всему верь, что слышишь.

Одноглазый молчал, и контрабандист повторил еще раз:

– Да, давно я его не видал, того варвара. А ты что про него думаешь, про Освободителя то есть?

Единственный глаз глянул на него с тем же веселым недоверием.

– А ты?

Контрабандист, легко скользивший по волнам лжи, вдруг очутился совсем близко от правды. «Почему бы и не сказать», – подумал он, но горло у него сжалось, сердце заколотилось, все тело покрылось холодным потом, будто его в сырую могилу скинули. Ни дать ни взять как в тот миг, когда он набрался духу заговорить со смуглой веснушчатой девушкой, поставившей ведро на кромку колодца; тогда он чувствовал, что ее отказ или резкое слово повергнет его наземь замертво столь же верно, как карающая рука безымянного бога. Но после многочисленных посещений моста он научился одолевая ужас, покоряясь ему, признавая его своим господином. Пренебречь этим внутренним вызовом значило бы признать, что в мире, созданном безымянными богами, не может быть ни страсти, ни цели. Он глотнул воздуха и сказал:

– Я считаю Освободителя величайшим человеком в Неверии. Для меня, чего бы ни стоило мое мнение, он еще более велик, чем малютка-императрица Инельго... – Он искал каких-то особенных слов, но довольствовался общепринятыми: – ...Справедливая и великодушная владычица наша.

– Выходит, ты думаешь, что Освободитель, если бы Неверионом правил он, был бы справедливее и великодушнее императрицы? – фыркнул кривой. – А еще полагаешь, что я и есть тот самый Освободитель или его одноглазый сообщник?

– Нет! – вскричал контрабандист, испытав, однако, странное облегчение после этих слов.

– Думаешь, что легче выпросишь пару монеток, если скажешь, что Освободитель велик, а я его ближайший помощник? Что ж, не ты первый с такой дурью в башке. Да только тебе это не поможет.

Одноглазый остановился. Они были уже на Шпоре, на замусоренном дворе с колодцем посередине – контрабандист не понимал толком, как они здесь оказались.

– Меня и другие за твоего Освободителя принимали. Можно, конечно, прикинуться, что я и впрямь он, а ты – несчастный раб, мечтающий о свободе. Да только не хочу я. Не этой ночью и не с тобой. Какой из меня Освободитель? Притворимся лучше, что раб – это я. Несчастнейший из рабов, попавший на обсидиановый рудник у подножья Фальт, где и твой Освободитель будто бы трудился некогда в железном ошейнике. Грязнейший раб, наполовину слепой. – Одноглазый сел на обод колодца, и луна, проглянув из тумана, посеребрила ему глаз и плечо. – Что бы ты со мной сделал, будь я самым слабым, самым грязным, самым больным рабом на всем руднике? Боящимся дать отпор любому насильнику – стражникам, десятнику, прочим рабам? Представь меня в цепях, неспособным сопротивляться, будь даже у меня больше сил. – Его рука легла на плечо контрабандиста. – Знаю, в рудниках больше не пользуются цепями, в них только с места на место переводят рабов, да и то лишь на западе – но ты все равно представь.

То, что испытал контрабандист в этот миг, не было ответом на прикосновение одноглазого или на его выдумку. Он и раньше ощущал это: покалывание в пояснице, животе, бед-

рах, знаменующее победу над страхом и высказанную вопреки всему правду. А поскольку этот человек, предмет его страха, не исчез со страхом вместе и даже приблизился, член под набедренной повязкой напрягся тоже.

– Лезь за мной, – шепнул одноглазый, перекинув ногу через обод колодца. – Не бойся, там скобы приделаны.

Полтора года назад контрабандист в последний раз занимался законным промыслом, а именно чистил с артелью других рабочих колодцы от разного хлама: битых горшков, детских мячиков, поломанной мебели. От грязи тоже, само собой. Работал он на совесть, а скоро приобрел и сноровку. Ему нравились товарищи по артели, и десятник часто его хвалил: «Говоришь, что ты недотепа, а сам, как я погляжу, хороший работник, чуть ли не лучше всех». Даже прибавку ему сулил, но однажды контрабандист на работу не вышел. Одноглазому он об этом не стал говорить, однако про скобы в стенке колодца знал преотлично.

– Давай! – Кривой встал на первую скобу. – Колодец этот сухой уже много лет.

– Спускайся, я за тобой. – Видя, как уходит вниз перевязанная наискось голова одноглазого, контрабандист испытал гордость, знакомую всем, кто оказывает телесные услуги другим: эх, и ублажу я тебя!

Он полез следом, глядя вверх, на луну. Сломанная перекладина оцарапала ему голень. Устоит ли туман перед костяным щитом, подвешенным в небе безымянным богом войны? Не хотелось бы очутиться на дне колодца в кромешной тьме, пусть даже с несчастным рудничным рабом.

Скоро он ступил в воду, под которой, впрочем, тут же нащупал камень. Не такой уж, выходит, и сухой он, этот колодец – вода затягивала три четверти его дна. В ней отражалась стенка и белые струйки тумана.

Одноглазый сидел на сухом выступе – кожаную юбку он уже скинул.

– Можешь делать со своим рабом все что хочешь. Бей, пинай, измывайся. – Эхо усиливало его голос – казалось, что разрешение наряду с наставлением дает не этот человек, а сам город. Контрабандист подошел к нему по воде. Холод и затхлый воздух не уменьшили, а только усилили его возбуждение. Он сдернул и бросил набедренную повязку. Это все голос, крутилось у него в голове. Когда он раньше имел дело с мнимыми рабами в ошейниках, их пожелания и поправки только мешали ему; в конце концов он прятал свой вялый член в повязку и уходил, в который раз убеждаясь, что подобные извращения не для него. Но этот громовой глас ни в чем его не корил, не объявлял невеждой. Точно сам бог любви давал ему отпущение и вдохновлял там, где человек только расхолодил бы.

– Вот тебе! – Он пнул сидящего на корточках кривого в бедро – не сильно, чтобы не ушибить собственную босую ногу, – и добавил пяткой по заду, придерживаясь за стену. – А теперь держись! – Он уперся коленом в холодный камень и приступил. Раньше невольное сопротивление клиентов лишало его всякого удовольствия, но теперь все шло как по маслу: тело одноглазого охотно принимало его, а разница между холодом камня и жаром соития только способствовала наслаждению. Жар и уязвимость чужих тел поражали его каждый раз, чем бы он ни орудовал – членом, языком, пальцами рук и ног. Каждый раз это было внове и действовало сильнее, чем ему помнилось. И разве не память об этом (думал, не прерываясь, контрабандист), разве не желания всех продавцов, покупателей, искателей дармовых удовольствий дали мосту его имя? Он знал, что его тело не запомнит надолго этого вхождения в чужую влажную плоть и желание будет утрачено, как все другие желания.

Одноглазый отвечал ему чутко, то замедляя, то ускоряя ритм: «Хочет доставить мне удовольствие», – с удивлением понял контрабандист. При сделках на мосту это случалось редко.

– Ты который? – прошептал кривой. – Пятый, девятый, семнадцатый из тех, что покрыл меня после восхода луны? – И это снова был голос бога, не грозящий, не сравнивающий – поющий хвалу.

– Я лучший! – крикнул контрабандист, не зная, правда это или фантазия. И не все ли равно? Зачем ему соперничать с пятью, девятью, семнадцатью призраками, заполнившими колодец? Он сам по себе. Он упирался подбородком в холодное плечо своего любовника, слюна текла изо рта. Одноглазый повернул к нему голову.

– Да ты прямо жжешь меня! Хорошо, хорошо! – Далекий и бесплотный ранее голос стал близким и задушевым.

Контрабандист наяривал, держа ровный, как биение сердца, ритм.

– погоди! – Одноглазый вдруг вывернулся и обратился к нему лицом. Живот, чресла, бедра контрабандиста сразу похолодели, точно сама жизнь покинула их. – Пойдем со мной. Там будет лучше, увидишь. – Одноглазый скрылся в проломе, контрабандист полез за ним и очутился в коридоре, через который, несомненно, и утекала вода из колодца.

Дыхание порождало эхо в узком туннеле. Контрабандист не сразу понял, что это дышит он сам, а не идущий впереди человек. Он споткнулся и чуть не упал, но возбуждение не проходило, несмотря ни на что.

В голове откладывалось расстояние, но не время. Пять или шесть поворотов, как вскоре выяснилось, они прошли очень быстро.

Забрезжил свет, и контрабандист увидел груды чего-то – мешков? В них, как он убедился на ощупь, что-то позвякивало.

В скальных нишах горели два факела. Повязка на глазу кривого, серая под луной, при свете огня играла разными красками: зеленой, синей, багровой. Он прицепил к лодыжке железное кольцо с цепью, встал, уперся руками в стену. Цепь легла на его ягодицы и обмотала ногу. Он тяжело дышал, тени перемещались по его выпирающим позвонкам.

Их тела снова соединились. Цепь, пролегая между ними, охлаждала их нарастающий жар. Капли, струящиеся со лба контрабандиста, затекали в усы и в рот – он мимолетно удивился их соленому вкусу.

Одноглазый вывернулся опять.

– Подожди, – сказал контрабандист, – я почти уже...

– Пойдем! – Одноглазый, гремя цепью, прошел в занавешенную шкурами арку.

Пот охлаждал грудь контрабандиста, волосы на ней встали дыбом. Почесываясь, он двинулся следом.

В этой комнате при свете одинокого факела громоздились перевернутые скамейки. Одноглазого не было, шкура на дальней двери покачивалась.

Тьма в туннеле способствовала возбуждению и мешала думать, но здесь, при тусклом свете, контрабандист вспомнил, что игры с мужчинами, особенно когда один подчиняется, а другой властвует, – не его стихия.

Так он думал, но чувство требовало вернуть то, что ушло вперед с одноглазым, – знать бы еще что.

Контрабандист задержался немного, размышляя, идти ли дальше. Что он может получить от другого и чего хочет от него тот? Стоят ли того новые сведения об Освободителе? Поразмыслив, он прошел в следующую дверь.

Сначала он подумал, что уперся в каменную глыбу, потом разглядел широкие ступени, ведущие вниз, во тьму.

Дюжина факелов далеко впереди почти не давала света. Где-то журчала вода. Контрабандист различил балконы по бокам, пересекающий пространство ручей, два мостика через него, огромную жаровню с горящими углями за ним. Вдали между факелами виднелся каменный трон с резной спинкой в виде какого-то зверя – орла, дракона?

Одноглазый, волоча цепь, подходил к нему. Оглянулся через плечо, пошел дальше.

Видит ли он что-нибудь в таком мраке? Контрабандист сошел в темный чертог по сильно истертым ступеням. Сколько же им лет – пятьдесят или все пятьсот? Со стропил свисали

веревки. Запах этого глубокого подземелья напоминал о зимнем море за пределами города, журчание – о летних долинах. Противоречивые ощущения все больше отбивали охоту к любовным делам.

Здесь чувствовалось движение воздуха, но туман сюда не проникал. На кой ему сдался этот недоросток в ошейнике? Но отток крови от чресел и покалывание во всем теле вызывали тоску – не по недоростку, а по утраченному желанию.

Он шел по земляному полу. Здесь было темней, чем у входа: свет, подобно пару, уходил вверх. Через двадцать шагов ступни нащупали деревянный настил первого мостика.

Внизу клубилась пена.

Одноглазый сидел на нижней ступеньке трона, вокруг виднелись шкуры или меха.

Если он в самом деле Освободитель или как-то с ним связан, о чем бы его спросить? Для начала – когда он родился. Одни говорят, что в месяц барсука, другие – что в месяц собаки. Месяц своего рождения человек знает лишь с чужих слов, не всегда правдивых. Мать и тетка контрабандиста как-то спорили под сливовым деревом, кто он – барсук или летучая мышь. Можно спросить еще, как он попал в армию из обсидиановых рудников и когда потерял глаз – до или после. Контрабандист сошел с сырого дерева на пыльные плиты, пытаясь представить одноглазого офицером империи. Если же он только помощник Освободителя, надо спросить, давно ли они вместе: всего с полдюжины лет или еще в рудниках подружились?

От жаровни пахло горячим воздухом. Если к ней прислонишься, поджаришься враз. Цепь лязгнула и прошуршала по камню.

За жаровней сразу же похолодало опять.

Стало видно, что у одноглазого – он прилег теперь на бок – ступни черные, а ноги между кожаными ремешками чуть чище. Краски мозаики на полу оставались неразличимыми.

Контрабандист занес ногу на ступеньку, и одноглазый... забился в корчах!

Спина выгибалась, играя позвонками, лопатки вздымались и опадали.

– Освободи меня... – прошептал он.

Контрабандист, с трудом сдерживая смех, поднялся чуть выше. По спине, ягодицам и бедрам бежали мурашки.

– Нет, – произнес он, как лицедей, впервые вышедший на подмостки: реплика не выражала ничего, кроме страха перед публикой. – Нет. – Теперь он, по крайней мере, узнал собственный голос. – Зачем мне освобождать такого грязного, чахлого раба? Ха! – Смех наконец прорвался наружу.

– Освободи, хозяин... Всё в твоей воле: мучить меня, держать в рабстве вечно или освободить. Не все ли тебе равно?

Может, это жаровня не пропускает туман в подземелье?

– Низкий и похотливый раб, ты не заслуживаешь свободы! – Контрабандист, произнося это со всем доступным ему пылом, не до конца понимал, что, собственно, хочет выразить. – Ты мерзок, как помой в канавах Шпоры. Мерзок, как самая глубокая яма в императорских обсидиановых рудниках. – Он ступил на сиденье трона и провел рукой по восставшему члену, как по чужому; его плоть, казалось, изображала желание сама по себе перед новой его утратой.

Плечи человека, распростертого у подножья трона, изогнулись, ягодицы напряглись, мускулы рук и ног обозначились.

– Освободи, хозяин. Всё в твоей воле. Так было всегда. Ты велик, я ничтожен – снизойди же к моему несчастному, страдавшемуся телу...

Гремя цепью, он перекатился на спину, подтянул колени к груди. Контрабандист удивился при виде его вялого члена. Может, это возраст дает о себе знать? Отлюбил свое одноглазый? Может, и похоть его наигранная, как все эти корчи и судороги, и он преотлично знает, что делает? Заманил парня сюда и теперь сам сотворит с ним все, что захочет!

Но одноглазый, будто подслушав его мысли, поднял голову и прошептал:

– Все, что хочешь, хозяин, что хочешь...

Его глаз впился в контрабандиста, лицо исказилось. Контрабандист держал в руке собственное естество, напрягшееся до боли. Слезающийся глаз внизу смотрел не мигая, во рту шевелился мокрый язык.

– Хозяин...

Все произошло внезапно. Жар хлынул от колен в пах, и он кончил. Сердце колотилось, в ушах бухало, правая нога тряслась, норовя подогнуться, в боку кололо. Никакой мысленный ряд – начинается, мол, вот сейчас, ничего хорошего, да нет, все отлично – этому не предшествовал.

Удовольствие – если нечто столь сильное, не поддающееся словам, можно выразить этим словом – отхлынуло, как вода в отлив, оставив позади мокрый песок. Контрабандист перевел дух, прикидывая, как бы спуститься. Нежданное извержение вкупе с грохотом сердца пугали его. Он придерживался за пыльную шкуру на подлокотнике трона.

Дрожь в правой ноге не унималась.

Когда он кое-как сошел по ступеням, одноглазый ухватил его за лодыжку мокрыми отчего-то пальцами.

– Освободи меня!

Контрабандист вырвался, едва не упав, и зашагал прочь по плитке.

У жаровни он понял, что в подzemелье есть еще кто-то.

От настенного факела зажегся еще один, и двойное пламя высветило голову и руку желтоволосого варвара, переходящего с факелом от одной ниши к другой.

Какая-то женщина подкатила к жаровне раскладную лестницу, влезла на нее, подсыпала свежих углей.

Контрабандист чуть не бегом перешел мостик. Два подростка, мальчик и девочка, вытряхивали шкуру, пыль стояла столбом.

Видели ли они его? Слышали ли? Поняли ли, что он делал, стоя на троне? Одноглазый-то на полу валялся, а его было видно куда как ясно. Почему это приключилось именно с ним? Что в нем такого особенного? Эти мысли перебила другая, деловитая: может, вернуться и снять все-таки с одноглазого цепь? Тот, не иначе, здешний подметальщик – пришел раньше всех остальных и воспользовался этим. Знал, что к чему...

Контрабандист стал подниматься по ступеням, не представляя себе, для чего этот подземный чертог служит. Может, их с одноглазым все-таки никто не видал, а если и видел, то не понял, чем они занимаются. Чтобы понять, присмотреться надо. Да, такого он еще не испытывал, но...

– Эй, – сказала женщина, разбиравшая груды скамеек, – ты разве не должен прибираться внизу?

– Нет... меня послали принести... – Он показал на дальнюю арку. – Вон оттуда! Я мигом! – Он прошмыгнул в соседнюю комнату и не увидел ни зги: все факелы, горевшие там раньше, погасли.

Задев ногой за цепь на полу, он пошел вдоль стены. Женщина не откинула завесу, чтобы за ним последить. Он нащупал кучу мешков, думая: «Хорошо, что я не такой уж юнец, иначе пристрастился бы к таким вот утехам». Удовольствие было огромное, спору нет, но он уж как-нибудь без этого обойдется.

Мешки остались позади, он был уже в туннеле. От таких удовольствий и окочуриться недолго, но кое-что полезное он узнал. Узнал про тайное подземелье, про трон, про то, что наслаждению нет предела. А одноглазому он сказал чистую правду. Освободитель – самый великий в Неверионе человек.

Ему представилось, что за ним идет кто-то. Не Освободитель, не одноглазый, а варвар, прежний соратник Освободителя. Теперь он наверняка знал, что все истории о гибели того

варвара выдуманы. Не стал бы тот покушаться на Освободителя из-за каких-то любовных неурядиц. Ради удовольствия, даже сопряженного с болью, можно убить – но убивать, чтобы избавиться от этого удовольствия? Если он и был, такой варвар, то дело с ним обстояло куда сложнее, чем сам же контрабандист рассказывал одноглазому, собрав все байки и сплетни. Он в который раз убедился, что знает *правду* об Освободителе и его ошейнике, хотя не может сказать того же о его кривом помощнике, тоже носящем порой ошейник. Не чудо ли, что правду всегда можно отличить от лжи, недомолвок и вымыслов? И почему его заявление о величии Освободителя кажется теперь столь банальным? (Мысль, столкнувшись с достоверностью, не остановилась на ней.) Может ли быть, что в пылу страсти само понятие правды отлепилось от его первоначального заявления, прилипло к новому и что эта новая «правда» – такое же сочинительство и такая же ложь, как все остальные истории?

Через несколько поворотов он стал опасаться, что свернул в какой-то боковой ход, но тут на мокрую стену лег отблеск света, и он вышел в колодец.

На смену ночи пришло серое утро. Поперек колодца наверху лежали пять жердин с привязанными веревками – раньше он их не видел.

Кожаная юбка одноглазого и его собственная набедренная повязка так и валялись на сухом камне. Один конец повязки, конечно же, полоскался в воде. Может, бросить ее? Наверху перекликались женские голоса. Можно, конечно, пройтись по городу голым на манер варвара, но такой кусок ткани стоит недешево: повязку выбрасывают, только если она станет грязной до неприличия или протрется до дыр. Кроме окунувшегося в лужу конца на ней обнаружилось еще с полдюжины мокрых пятен. Контрабандист выжал ее, перекинул через плечо и полез вверх, переступив через сломанную скобу и другую, грозящую скоро переломиться.

Высунув голову из устья, он оглядел двор. Две девушки, перебрасывающиеся детским черным мячиком, сначала показались ему совсем юными – как он сам, когда сбежал в Колхари из деревни. Обе были в таких же повязках, которая холодила сейчас ему спину.

Варварка с коротко, еще по-летнему стриженными желтыми волосами врезала по мячу, колыхнув загорелой грудью.

– Ай-й!

Темнокожая колхарийка с перевязанной кожаным шнурком пышной гривой поймала мяч, пригнулась и подкинула его в воздух.

– Йахей!

Варварка, метнувшись навстречу, поймала его и кинула обратно.

Контрабандист вылез тем временем из колодца, прошел немного, оглянулся через плечо. От тумана осталась только легкая влажность в воздухе. Утро было ясное, и солнце уже осветило восточную стену переулка, но на севере еще висела легкая дымка.

– Айя-хаа! – Варварка споткнулась; мяч свечкой взмыл вверх, а она села на камень, заложив руки за спину. Солнце легло на ее плечо, колено и грудь, и контрабандист с восторгом увидел, что и то, и другое, и третье густо покрыто веснушками.

Темненькая хохотала и трясла головой, перебегая из света в тень. Экое счастье привалило: парень, разглядев веснушки и у нее на спине, аж язык высунул, словно желая лизнуть одну из темных золотинок на соленой девичьей коже.

– Ты как, не ушиблась?

– Нет-нет, – ответила варварка. – Не видела, куда мяч улетел?

– Туда вроде бы.

– Ой, не-ет!

– Я слышал, как он в колодец упал, – подал голос контрабандист. – Всплеснул, там вода внизу.

Он сам не знал, что из чего родилось: речь из храбрости или храбрость из речи.

Девушки посмотрели на него. Улыбнулись.

– Правда слышал? – спросила одна из них. Он уже плохо различал их в потоке солнца, затопившем смуглое плечо одной, грудь и щеку другой. Ответы? Правда? Все растаяло в солнце, в далеком море, в расколовшемся небе.

– Там совсем мелко, – сказала варварка. – Я спущусь...

– Еще чего! – воскликнула темненькая. – Лезть в пустой колодец? Кто знает, что там внизу? – И они снова расхохотались.

Контрабандист пытался заговорить снова, отпустить шутку, вызваться слазить самому, но губы и язык словно оцепенели, и девушки – варварка (он мог только надеяться, что она такая же шлюха, как и он сам) и порядочная колхарийка – ничего не услышали. Прошептать впервые «хозяин», должно быть, не легче, чем заговорить с женщиной, вызывающей у тебя желание более знакомого толка. Он двинулся через двор в переулок, по которому, сколько помнил, пришел сюда в темноте, и оглянулся опять. Они прекрасны, незатейливо сложилось в уме. Зачем пользоваться мужскими телами, когда в городе живут такие чудесные девушки? Но то, что он узнал об Освободителе, стоя на троне, будь то туманный сон или гранитная явь, было подарено ему телом другого мужчины.

6

В те времена, гораздо примитивнее наших, публичная нагота не считалась признаком безумия, бунтарства или служения искусству. Нагота, наряду с мозолистыми руками, относила человека к определенному классу общества, вот и все. Контрабандист, когда дела шли удачно, зарабатывал несколько больше бедных тружеников и потому находил даже кое-какую радость в обмане, идя голым к рынку по почти пустым утренним улицам. Немногочисленные прохожие, и мужчины и женщины, тоже были нагие.

Иногда он поворачивал обратно, определив по солнцу, что тот или другой переулок не приведут его к рынку, но наконец дошел. Три четверти торговых ларьков уже стояли на площади, остальные спешно воздвигались. Торговцы переговаривались, ранние покупатели с корзинами и мешками уже бродили между рядами.

Охрана порядка тогда тоже не достигла современного уровня: наш приятель преспокойно оставил на площади вола и повозку с контрабандой, собираясь прийти через час (события в подземелье заняли несколько меньше времени). Императорские досмотрщики рыскали здесь, правда, в любое время, но за последние годы в городе открылось несколько новых рынков поближе к морю, и всюду они поспеть не могли.

Многие повозки уже разъезжались. Час еще куда ни шло, но дольше было бы опасно даже и в те времена.

Контрабандист шел мимо ларьков с дешевыми украшениями, диковинными плодами, крестьянскими орудиями и утварью. Его рыжий вол уже съел все сено и мотал головой. Ранние путники уехали, недавние сидели под навесом и ждали. Пьяный так и лежал на скамейке.

К контрабандисту подошел парнишка, тоже голый.

– Тебе не на юг, часом? Возьмешь меня за пару железок?

– За пару монет сможешь проехать только несколько стадий. – Контрабандист застеснялся собственной наготы рядом с этим стройным юношей – школяром, не иначе – и намотал на себя повязку, еще не просохшую. А может, он и не школяр вовсе. После недавних приключений контрабандист был склонен взвешивать все и вся.

Во-первых, парень ходит голый, как беднейший из варваров, хотя сам не варвар. Его черные волосы заплетены сбоку в косу, но видно, что он и не солдат тоже. На ногах кожаные обмотки, как будто он с битым камнем имеет дело – но, может, он учиться ходит по такой осыпи. Бородка у него далеко не такая ухоженная, как у пьяницы под навесом. Ладони тоже кожей обмотаны, как у одноглазого, но это не значит, что он из тех же краев – подсмотрел,

небось, у кого-то, и самому захотелось. Может, он расскажет про эти тесемки больше, чем одноглазый, который скорей всего их с самого детства носит.

– У мастера учишься? – спросил контрабандист, почесывая вола между рогами. – Близ Саллезе?

Юнец, явно думавший, что в голом человеке школяра никто не признает, смущенно потупился.

– Пока только готовлюсь. Делаю вощенные доски и глиняные таблички для старших. Начну заниматься с весны, когда читать буду лучше.

Похоже было, что пьяный вот-вот свалится со скамьи.

– Заметил ты, сколько вокруг моста пьяных, сумасшедших, голодных? Если раньше они и работали где-то, то теперь точно нет, – с сочувственным вздохом промолвил контрабандист.

– Мой мастер то же самое говорит. В Колхари, не считая школы, настали трудные времена.

Контрабандист, слышавший это из года в год, засмеялся и хлопнул школяра по плечу.

– Лезь в повозку – хоть немного, да подвезу. – Как человек добродушный, он не хотел обижать мальчишку; школяры, как известно, часто терпят насмешки от рабочего люда, а то и с прямой враждой сталкиваются. В Колхари говорили, что школяры, не имея своих богов, норовят дать имена всему остальному. – Если сломаемся, поможешь толкать.

Пока школяр усаживался, контрабандист еще раз посмотрел, все ли в порядке. Старухин мешок лежал на месте, надежно спрятанный за горшками.

– Хайиии! – Он сел на козлы рядом со школяром, тряхнул вожжами, пристроился за тремя другими повозками – как раз то, что надо.

В этот миг он увидел в торговом ряду своего знакомца, в ошейнике и с завязанным глазом. Вид у него был усталый. То, что погнало контрабандиста из подземелья, теперь утихло; коротышка, скорей всего, опять шел на мост, чтобы завершить действие, для него далеко не новое и не сулящее особых услад.

– Эй, одноглазый! – крикнул контрабандист, ни от кого не скрывая своих ночных похождений. – Ну что, дашь мне монетку?

Одноглазый обернулся к нему и совершил нечто поразительное: сдернул с лица повязку и выставил напоказ два совершенно здоровых глаза.

– Не дашь, значит? – Контрабандист отчего-то порадовался, что он едет, а коротышка идет пешком. – Ладно! Авось еще увидимся на мосту! – Вол шагал в одну сторону, человечек в другую. Контрабандист пихнул локтем школяра. – Мог бы ты подумать, что... – Но откуда парнишке знать о его изысканиях? – Ладно, не важно. Я часто болтаю всякую чушь.

– Ты его знаешь?

– Да... он задолжал мне немного денег.

– Раб?

– Ну, видишь ли...

– А, так он из этих.

Они помолчали. «Ты учишься у мудреца в Саллезе, – мысленно говорил контрабандист, – но понятия не имеешь о том, чему я научился там, на мосту. А не мешало бы поучиться».

Школяр, опять же в мыслях, ему отвечал: «Думаешь, ты один такой ученый? Не знаешь разве, что школяры часто ходят на мост разжиться парой монеток? Только не признаются, что они школяры, потому что клиенты таких не любят».

«И ты ходил, – подумал контрабандист, покосившись на паренька. – Нет, не похоже». «Нет, – подтвердил воображаемый школяр. Я ничего такого не делал – посмотри на меня, и ты убедишься». Но как можно убедиться в чем-то таком?

Парнишка – голый, но не варвар, с косой, но не солдат, в обмотках, но не рабочий, с кожаными тесемками на руках, но не из дальней провинции – с любопытством вглядывался

в рыночную толчею. Контрабандист разглядел веснушки и у него на руках, но веснушчатые мужчины отталкивали его не менее сильно, чем веснушчатые женщины привлекали. Не мальчик, а какая-то ходячая ложь, оживший наяву сон.

Под этот мысленный разговор они выехали с рынка в просыпающийся город и потащились к южным воротам.

7

Седока контрабандист взял, чтобы сойти за честного возницу, но намеревался ссадить его нынче же вечером – пусть поищет другого попутчика, едущего на юг. Звали школяра Кентон, хотя контрабандист не думал, что надолго это запомнит. Однако парень оказался компанейским и вечером хохотал над его рассказами. Историй в запасе было много: как его выгнали из артели лесорубов за то, что спал в рабочее время, как рассерженный крестьянин выставил его из заброшенного амбара (хотя он предлагал отработать свою ночевку), как поносил его гончар в Колхари, когда он, разгружая привозную глину, заляпал ею всю улицу; все это происходило от трех до пяти лет назад, но по словам контрабандиста выходило, что с тех пор и пары месяцев не прошло.

Такого благодарного слушателя стоило оставить еще на день-другой.

Назавтра, когда истории контрабандиста поистожились, школяр начал рассказывать о своем. На вопрос, что он думает о Горжике Освободителе, Кентон ответил так: «Горжик? Слышал такое слово. Оно иноземное, откуда-то с Ульвен, да?» Больше хозяин повозки его об этом не спрашивал и просто слушал краем уха его болтовню, поддакивая время от времени.

Человеческий голос слышать всегда приятно.

Школяр не спрашивал, отчего они едут окольными тропами, и охотно слезал, чтобы вытащить застрявшее колесо или помочь переправиться через ручей. На второй вечер он вызвался состряпать похлебку из сушеной трески и кореньев, сказав, что в школе постоянно на всех готовит. «Не потому ли он такой покладистый, что чует неладное и смотрит на это как на приключение», – думал контрабандист? Оно и к лучшему, хороший спутник ему попался.

– Вот я и на месте, – сказал Кентон на третий день и сошел у гостиницы, хозяйкой которой, как он много раз повторял, была его тетка. – Ты не такой, как другие, знаешь? Не говоришь, что школяры – никчемный народ, и не хвалишься, что ты сам – честный труженик. – Это он, опять-таки, уже говорил в самом начале пути; тогда контрабандист промолчал, а теперь сказал:

– Потому что честный труженик – это не про меня. – Не добавить ли «я честный контрабандист»? Нет, это было бы глупо. Они поухмылялись, глядя друг на друга, и школяр сказал:

– Ты мог бы заночевать здесь. Тетка тебя покормит, а ты с меня ничего не возьмешь за езду.

Контрабандист, вспомнив прижимистого «кривого», ответил:

– Я не тетку твою привез, а тебя. Гони три железки, как уговаривались. Это вполтину меньше того, что запросил бы другой, но такой уж я дуралей. А если потом захочешь по дружбе меня угостить, твое дело. – Он давно смекнул, что монету школяр держит в своих обмотках.

– Знаешь, – сказал Кентон, вручая ему три монетки, – к матери мне еще целую стадию на запад шагать, так что тебе, пожалуй, тут и правда лучше не останавливаться. Я только поздороваюсь и пойду себе дальше...

– Счастливого пути, Кентон. – Контрабандист тронул с места вола.

– Спасибо. И тебе тоже!

«Честный контрабандист, – твердил он в уме. – Честней некуда. Когда-нибудь я скажу это вслух – не тебе, мой юный друг, так кому-то еще. Повезло тебе, однако, что честный лиходей содрал с тебя всего три монеты». Дорога была пуста. Слева на обочине что-то клевала курица,

за правым поворотом лениво махнул хвостом спящий пес. Но кто знает, долго ли продлится такое спокойствие.

Солнечные пятна ложились сквозь листву на спину вола и на колени возницы. Час спустя он прервал воображаемый разговор со школяром, заметив, что небо между листьями стало серым, а воздух похолодел и отяжелел. Синева затянулась тусклым кованым серебром.

Вдали сверкнула молния. Упали первые капли. Вол, нагнув голову, брел по дороге, быстро превращавшейся в грязь.

«Ладно, – сказал контрабандист призрачному Кентону (ему-то, бесплотному, дождь нипочем), – правда твоя, школяр. – Он слез и пошел пешком, смеясь во все горло. – Я отдал бы тебе твои три монетки за крышу над головой, чашку горячего супа и койку на ночь. Я хоть и честный контрабандист, а дурак, что не согласился. Никогда и не скрывал, что я круглый дурак. Ну, вот я и сказал это – ты доволен?»

Тот, видимо, был доволен: вскоре контрабандист, вытаскивая ноги из грязи, переправился через ручей без его помощи.

Дождь переставал иногда, но ненадолго.

Контрабандист снова сидел на козлах: здесь дорога была вымощена, хоть и неровно. Справа виднелась поливаемая дождем долина, но трудно разглядеть что-то, если вода хлещет прямо в глаза. Поди знай, верная ли это дорога. Надо ехать прямо на юг, а как узнать без солнца, не сбился ли ты с пути? Непонятно также, идет ли еще дождь или это деревья стряхивают остатки влаги (ни старуха, ни девушка, ни пожилые крестьяне, чьи имена он давно забыл, не знали, как это понять). Он едет по незнакомой дороге, где может случиться и померещиться все что угодно. И бог, безмянный, но пособничающий контрабанде, не прочь поиграть в «да» и «нет». «Полно, – поправил себя ездок. – Ты едешь правильно, по верной дороге, только промок и замерз. Часто ли ты богам молишься? То-то». Молния сверкнула опять: дождь таки шел.

Сначала он увидел чью-то ногу, упершуюся в наклонный ствол, потом обнаженный меч, потом сквозь шум дождя прорезался голос:

– Эй, красавчик! Не подвезешь ли усталого путника?

– Полезай! Далеко тебе? – Он бы и плату потребовал, да дождь заливал в рот. Не разбойник ли это, часом? Меч, теперь спрятанный в ножны, был какой-то странный.

Одна мозолистая рука ухватила за козлы, накренив повозку, другая сжала его плечо, и путник (или разбойник) угнезвился с ним рядом.

– Ну и погодка, чтоб ее! Давай, погоняй! – Рука и бок седока дышали теплом среди холодной мокряди. – Куда путь держишь? – Лицо незнакомца закрывала тряпка с двумя дырами, в которые смотрели ярко-голубые глаза. Разбойник... то есть разбойница... улыбалась.

Может, мужчина все-таки? Мало ли что груди, у мужиков они тоже бывают. Но нет: он точно знал, что рядом с ним сидит женщина. Глотнув дождевой воды, он закашлялся – и хорошо, иначе мог бы ляпнуть что-то неподобающее.

На седьмом примерно ухабе она наконец отпустила его плечо и теперь держалась за сиденье обеими руками, глядя вперед сквозь прорези своей маски, струи дождя и бушующие под ветром листья.

Через полчаса дождь опять перестал, но она все молчала, и контрабандист решительно – плохо понимая, в чем причина такой решимости – спросил:

– Ты из этих мест?

– Разве я похожа на уроженку этой мокрой печальной земли? – Она фыркнула – будь она мужчиной, контрабандист принял бы это за смех. – А ты откуда будешь? Едешь, похоже, из самого Колхари. Что везешь? – Голубые глаза под маской моргнули. – Этого ты мне не скажешь, ведь верно? Я тебя не виню, хотя могла бы подсказать, где что можно сгрузить. Понимаю кое-что в твоём ремесле. Меня зовут Вран. – Она протянула руку, и контрабандист пожал ее, переложив вожжи в левую. – А тебя? Хотя нет. – Ее маленькие, утолщенные в суставах пальцы

были жестче, чем у него. – Вы, здешние красавцы, такие плотные, что так и хочется вас потискать, слишком скромны, чтобы назвать случайной попутчице свое имя. Так оно и должно быть в вашей странной земле, где женщины так забиты, что даже не верится.

Веснушек, насколько он видел, у нее не водилось. Назвать ей свое имя? Зная, что не сделает этого, он испытал прилив дружеских чувств.

– Так ты иноземка? Я с вашим братом мало дела имел, но ты, как видно, находишь странными самые обычные для нас вещи. Правда?

– Моя родина – Западная Расселина. Что странно, так это что вы сами не смеетесь над тем, что делаете.

– Над чем, к примеру? – спросил он, готовясь услышать какую-нибудь нелепость.

– Взять хоть тебя, – сказала она, серьезная, как сам дождь. – Ты, скорей всего, едешь, чтобы поддержать Освободителя, собравшего свои силы к востоку отсюда, в его правом деле. Я сама уже три месяца сражаюсь на его стороне, и это занятие при всем своем благородстве мне так надоело, что я решила вернуться к своим здравомыслящим соотечественницам и посвятить себя нашим разумным делам. – Под маской прорезалась широченная улыбка. Деревья зашумели, дождь полил с новой силой. – Мой земляк, услышав это, самое малое усмехнулся бы, а ты сидишь открыв рот, и в твоей красивой бороде ни ухмылочки. С другой стороны, порой кажется, что наши мужчины только и умеют, что хихикать. Они смеются над чем попало, день и ночь напролет, как будто ни о чем не хотят подумать всерьез. Может, они и правы – так утверждают наши философы. Говорят, что раз мужчины не рожают, то и думать им незачем. Не хотелось бы тебя обижать, но признай, что это здравая мысль. Однако женщине, затерянной в этой странной и ужасной земле, порой хочется, чтобы плотный красивый мужчина повел себя хоть чуточку глупо. Могу поспорить, что ты едешь под дождем целый день и устал до смерти, поэтому дай мне вожжи и отдохни.

То, что контрабандист не сразу выполнил ее указание, озадачило ее не меньше, чем серо-зеленый край вокруг них.

– Ты говоришь, что Горжик Освободитель находится где-то здесь? На востоке?

– Я уже три месяца состою в его войске. Он расположился на землях принцессы Элины – она отдала ему под ставку свой древний замок. Он, то со своим одноглазым подручным Нойедом, то с ближайшими сторонниками, то и вовсе один, разведывает окрестности, чертит карты, намечает, как ловчее напасть на графов и баронов, которые еще держат рабов. Освободитель очень умен. Туда, где господа ждут атаки, он посылает одного-единственного шпиона, чтобы тот взбунтовал рабов. А в имения, где господа подсылают собственных шпионов следить за рабами и доносить, где предательство подтачивает все изнутри, приходит войско Освободителя. Куда как умно! Но знаешь, он тревожит меня. Он, конечно, человек достойный, и цели у него благородные, только не могу я сражаться под началом одного мужчины в рядах других. Пойми, – ее ладонь снова легла на руку контрабандиста, – я ведь не зеленая девчонка с грудками не больше двух горсток песка, которые мальчишка для забавы сыплет на грудь своему приятелю. «Мужчина не способен владеть мечом, – заявляют такие девочки. – Мужчина не может сравниться силой, ловкостью, честностью и храбростью с женщиной». Чего еще ждать от птенцов, не залетающих дальше заботливого отцовского взора? Я так скажу: если мужчина способен драться, как женщина, уважай его не меньше, чем женщину. И не стану лгать: я бы дважды подумала, прежде чем скрестить своих двойняшек с мечами многих мужчин этой ужасной страны – хотя в наших казармах меня бы за это высмеяли.

Говорила она с акцентом, но не с варварским, которого стоило ожидать так далеко на юге. Никаких проглоченных слогов.

– Меня тревожит другое. Признав, что мужчины воюют не хуже женщин, ты все-таки чувствуешь себя неуютно, сражаясь бок о бок с ними, полагаясь на них, зная, что твоя жизнь зависит от их храбрости, преданности, чести и мастерства. Днем на привале и вечером у костра

ты сталкиваешься с мелкой ревностью и враждебностью, которую они стараются прикрыть смехом и похвалой. В них чувствуется та же обидчивость и неуверенность, что и в наших мужчинах, но наши хотя бы эти свои качества не скрывают и не пытаются их выдать за нечто разумное. Да, в этой стране я сражалась вместе с настоящими воинами, но женщина среди них всегда чувствует: они, занимаясь военным ремеслом месяцами и даже годами, могут быть настоящими воинами не дольше недели, а их шутки и смех лишь прикрывают то, что они остаются подлинными сынами Эйвха и несут на себе клеймо Эйвха. Да, дело Освободителя правое, и я уважаю его больше всех, кого встречала в этой странной земле. Его я встретила давно, в весеннюю ночь, при ясной, без ореола, луне. И замыслы его тоже были ясными, как лунные лучи, пронизывающие тьму. Мне были близки его взгляды, хотя ясности в запутанных делах я доверяю лишь постольку-поскольку. Потом, в своих странствиях, я слышала о нем все больше и больше, и ничто не противоречило тому, что он в ту ночь говорил. Наконец я пришла к нему и предложила свои услуги. Вряд ли он меня вспомнил, но дело не в этом. И все это время здесь то дождь, то туман! Как боец, он не уступает женщине – а главное, в голове у него не драконье дерьмо. Я честно сражалась за него, но три дня назад прошел слух, что в этих местах были замечены наши женщины. Надоели мне чужие причуды и выверты, соскучилась по своим. Говорят, их видели в Винелете – туда я и направляюсь.

Контрабандист слушал ее со сдержанным недоумением – думаю, мы с вами отнеслись бы к ее словам точно так же. Высказывалась она прямо и подробно, совсем не по-женски. Но он, при всем своем пренебрежении к школярам, сам был в некотором роде школяр и ответил ей так:

– Если этому слуху уже три дня, в Винелет идти не стоит. Я не слишком хорошо знаю эти места и не слишком бы полагался на то, что говорят парни вроде меня. Вопрос в том, куда идут твои подруги – на север или на юг? В трех днях пути на юг от Винелета лежит Аргини, в трех днях пути на север – порт Сарнесс. – Он знал эти города, потому что последние два года не раз доставлял туда грузы.

Женщина, отстранившись, оценивающе на него посмотрела (дождь, похоже, перестал насовсем).

– Ты не только красавчик, но и мыслишь красиво – в вашей стране это такая же редкость, как и в моей. – Складка ее губ говорила, что ему следует отнестись к этому как к похвале. Это он-то красавчик? Впрочем, с такой он не лег бы даже за деньги. Хотя... если за хорошие деньги... Даже из мужчин на мосту монету не выжмешь – разве повернется язык спросить плату с такой воительницы? А любопытно было бы... непривычно.

Ей бы еще хоть пяток веснушек...

– В это время года они, конечно, пойдут на север. И должны уже быть в Сарнесе, правда твоя. До него отсюда часа три езды.

– Неужто? – Он полагал, что не меньше суток, но география тогда складывалась исключительно из устных рассказов – почему бы и к этой женщине не прислушаться?

– Конечно. Вот доедем до перекрестка и сразу увидим Сарнесс, и корабли в его гавани, и Путь Дракона. Этот город очень красив с вершины холма на закате. Ты будешь об этом внукам рассказывать, а я своих подруг разыщу.

Контрабандист со смехом тряхнул вожжами, но вол не прибавил ходу.

За последние пять лет он трижды видел хибары и склады Сарнеса и дважды заезжал в его сонный порт, чтобы попить там пива. Сидел за длинным столом с рыбаками, а море между плоскодонками сверкало на солнце. Потом садился хмельной в повозку, и вол тащил его на боковую дорогу, куда, как и теперь, лежал его путь.

Может, город и правда недалеко.

– Что ж, – сказала Вран три часа спустя, когда они стояли рядом у колеса, – этот город и впрямь красив, но сейчас, в сумерках, да еще и в тумане, не видать ни его, ни моря.

8

Кусты и камни, напившиеся дождя, и в самом деле выдыхали густой туман.

– Но если ты смотрел сверху на Колхари, – сказала Вран, – Сарнесс вряд ли тебя поразит. Однако и у этого города есть история, которая может быть тебе интересна.

– Да? – Мягкая, хотя и холодная, земля была приятна ногам.

– Ты же спрашивал меня про Освободителя? Жаль, Путь Дракона сейчас не видно – это хорошая примета. Да ты должен помнить его, если бывал здесь раньше.

Контрабандисту и верно помнилась, хоть и смутно, широкая пыльная дорога с севера на юг: с одной стороны город, с другой глубокая пропасть, где виднелись складские крыши, рыбацьи хижины, таверны – и море.

– Знаешь, когда-то дикие драконы весь Неверион населяли. До постройки Сарнесса скальный карниз, где проходит теперь дорога, служил им насестом – взлетая с него, они парили над океаном и на него же возвращались. Так, по крайней мере, гласят легенды. Сама я в это не верю, потому как еще не встречала дракона, который мог бы найти место, с которого он взлетел. Это глупые животные – теперь они водятся только в Фальтах.

Контрабандист тоже слышал сказки об орлах и драконах, но живьем их не видел – только изображения на посуде – и полагал, что ни тех, ни других нет в природе.

– Когда мы в последний раз приезжали в Сарнесс разжиться провизией, Освободитель показал нам один склад и сказал, что однажды залез туда, когда промышлял контрабандой: заднее окошко было открыто. Залез и не знал, что выбрать: железные молоты, предназначенные для ульвенской верфи, или оберегающие от падения амулеты для енохских горняков. Сказал, что теперь уже и не помнит, что выбрал. Помнит только, как стоял там и думал – ну и сам склад, расположенный между пекарскими печами и боковой калиткой гостиницы. Все так и осталось на прежнем месте, хотя он сказал, что гостиница тогда была вдвое больше – кое-какие постройки они снесли.

– Раз он контрабандистом был, неудивительно, что выкинул это из головы. Небось и не взглянул ни разу на то, что вез.

– Если то, что я знаю о контрабанде, верно, правда твоя. А в самой высокой части Пути, если верить местным преданиям, безумная королева Олин когда-то предостерегла полководца Бабару. Моряки ульвенской флотилии, которой он командовал, слышали ее пророчество со своих кораблей. По ее словам, следовало дожидаться некоего знака, заключавшего в себе птицу и дерево. Была у меня подруга, так она наизусть знала все островные байки.

И вздохнул орел,
И заплакал змей,
Как безумная Олин сказала!

Да... колхарийские ребятишки, играющие в мяч под этот стишок, вспоминают всю сказку, сами того не ведая. Но подруга уверяла меня, что на островах ее не рассказывают, несмотря на тех моряков. Здесь запомнилось, там забылось.

– А то, что забывается там, помнят здесь, – изрек контрабандист.

– Не всегда, – сказала Вран, испортив красивое изречение. – Только если повезет. Еще дальше, в дальнем конце города, Путь поворачивает на скалы. Одноглазый помощник Горжика рассказывал нам, как работоторговцы похитили их с братом у самого дома всего в сотне стадий южнее, а потом сбросили раненого брата с тех самых скал. Нойед тогда ослеп полностью, но говорит, что прежде они прошли через город, где накатывал на гальку прибой, смеялись дети, перебранивались ремесленники и прохожие. Он спросил тогда, как называется город, а

несколько лет спустя понял, что начисто забыл его имя. Если это был и не Сарнесс, то очень похожий город, говорил он, и расположенный на Королевской дороге. – Женщина вглядывалась в туман так, будто только что раскрыла некую тайну. – Уж эти мне сказки...

– Итак, по твоим словам, шрам есть у Освободителя, а крив его помощник Нойед?

– Горжик настоящий великан, – нахмурилась Вран, – и у него шрам на левой щеке, а Нойед маленький, шуплый, и у него всего один глаз – но то, что он видит духовным взором, вполне возмещает потерю.

– Некоторые говорят ровно наоборот, – засмеялся контрабандист.

– Я три месяца воевала под началом Освободителя. И входила в число его лучших разведчиков.

– Но теперь ты его покинула. Я вот, к примеру, часто забываю, что делал еще вчера. Нельзя же требовать от человека, чтобы он помнил каждое слово, сказанное кем-то другим, или как этот другой был одет...

«Впрочем, нет, – подумал контрабандист, поймав ее взгляд. – Она такими отговорками прикрываться не станет». Но он столько противоречивого слышал от разных, далеко не столь странных, людей.

– До чего ж вы, красавцы, все серьезные! – хрипло засмеявшись, бросила Вран, хотя он мог бы поклясться, что говорил шутивно. – А такие вот плотненькие красавчики перечат честной женщине на каждом шагу. Но, как говорят у нас, ум делает мужчин еще красивее. И вот тебе мой совет, хитроумный красавчик: через тридцать стадий эта дорога соединится с Путем Дракона, где, как известно, императорские таможенники так и кишат. У меня нет причин думать, что ты хочешь избежать встречи с ними: по всем приметам ты обыкновенный возница, разъезжающий между рынками – не считая того, что выбираешь ты пути поукромнее. Но если ты почему-то не хочешь встретиться с этими любопытными людьми, которым платит императрица, весьма здравомыслящая владычица ваша, езжай напрямки через земли принцессы Элины, а потом сверни на проселок, что идет вдоль границы Гарта. Таможенники каждый вечер расходятся на пять сторон от Сарнесса и караулят тех, кто надеется прошмыгнуть под покровом тьмы. Если ты тот, кем не кажешься, мой совет избавит тебя от хлопот, а то и спасет твою красивую шейку. Послушаешь его – скорей доедешь туда, куда тебе надо. Нет, – вскинула руку она, – не трудись уверять меня в своей полнейшей невинности. Я ее под сомнение не ставлю и говорю просто так, в туман. Всего в стадии отсюда, с левой стороны, есть поворот на удобную полянку, где женщина – и мужчина тоже – может разбить себе лагерь. За последние три месяца я с дюжину раз наблюдала, как таможенники ее величества едут мимо нее, ни о чем не подозревая. Мне сам Освободитель ее показал: он останавливался там в свои контрабандные времена. Сворачивай с дороги между кипарисовой рощей и каменной осыпью, если, конечно, такому умному красавцу нужно укрытие... что за глупая мысль!

Она снова расхохоталась и пошла прочь, широко ступая по раскисшей земле. Повернула за куст и пропала из глаз на спуске к невидимому городу. Контрабандист, прищелкнув языком, тронул и зашагал в тумане рядом с повозкой.

Дорога была видна не дальше, чем на свою ширину: с тем же успехом они могли бы ехать напрямик по равнине. Казалось, будто они стоят на месте, а движется только земля под ними.

В голове вертелся слышанный в Колхари детский стишок. Вран прочла только последние его строки... сколько ж времени он припоминает все остальное? Четверть часа или полный час?

Вон те высокие тени справа не иначе кипарисы. Он приостановился, глядя вперед. Точно: вон она, осыпь.

– Хай-й! – Он остановил вола и подошел к обочине. Да, тут есть поворот. Тот, кто хорошо знает окрестности, наверняка и о нем знает, но таможенников обычно привозят к месту службы издалека, и вряд ли они разглядят что-то в таком тумане. Он повернул вола, проехал немного,

вернулся назад, отломил ветку и затер следы копыт и колес, а потом и собственные следы. Серое небо стало теперь пурпурным.

Впереди, озаряя туман, мерцал бледный свет вроде лунного.

Контрабандист придержал вола и пошел дальше один. Это был, конечно, костер, размытый туманом. Возле него сидел на корточках человек.

Контрабандист спрятался за деревом.

Человек был большой, пузатый, заросший густой бородой, с волосами на спине и на ягодицах. К грядке стоящей рядом повозки притулился шалаш.

Привязанный к дереву осел ел из торбы, помахивая хвостом – только поэтому контрабандист его и заметил.

Над огнем стоял четырехногий горшок – из него валил пар, примешиваясь к туману и дыму. Такой сосуд, в отличие от горшков в повозке контрабандиста, мог согдиться и для магии.

На руках незнакомец носил бронзовые браслеты, на щиколотках – деревянные и железные, на шее – несколько шнурков и цепочек. В ухе торчал резной колышек. Он уложил на рогульки палочку с наколотым куском мяса, капли сока зашипели на камне.

Контрабандист, стараясь дышать неслышно, наблюдал, раздумывал, вспоминал.

Предполагалось, что его отцом был кто-то из двух мужчин. Один время от времени заявлялся к матери, часто пьяный, орал, требовал еды и денег, без приглашения укладывался спать – мальчик к семи годам возненавидел его. Второй жил в дальней деревне, но часто проезжал на муле мимо поля, где работали тетка и мать. Он останавливался поиграть со своим возможным сыном, шутил с ним, катал на муле, забирал к себе домой с разрешения матери – но потом, как правило, на несколько месяцев пропадал. Как раз потому, что их было двое, ни один не жил с матерью постоянно. Самыми яркими картинами детства, которые контрабандист помнил плохо и старался не вспоминать, были как раз они: один работает в поле, другой ест, сидя под деревом; один стоит на солнце, другой спит на соломе у чужого амбара. Мальчик радовался, когда уходил один, и печалился, когда уходил другой, но главным было не чувство, а мысль, переполнявшая все его существо и относившаяся к обоим: какой он большой! Их огромность подавляла его, низводила до козявки, копошащейся в траве под ногами.

Сейчас, скрытый за деревом и туманом, он испытывал примерно то же самое, глядя на человека у костра. К этому примешивался еще и голод: он охотно бы поел мяса и похлебал из горшка.

И тут незнакомец сказал:

– Чего стоишь в темноте, выходи-ка на свет.

Контрабандист весь покрылся мурашками, но сказал себе, что это просто от неожиданности.

– Да, погреться бы не мешало. – Сам он заранее решил, что костер ни в коем случае разводиться не будет.

– Так веди свою животину с повозкой сюда и посиди со мной. – Незнакомец повел рукой с ополовиненным средним пальцем. Рассеченная когда-то нижняя губа срослась неровно, начинившийся от брови шрам уходил в бороду. На правом глазу сидело бельмо. На волосатом боку высветились три рубца: в свое время он подвергся бичеванию, как раб или преступник. – Давай, веди своего вола.

Контрабандист поспешил назад, в темноту, спрашивая себя: возможно ли это? Говорят, он иногда ходит в разведку один.

Ветка царапнула о повозку. Нащупав повод, он двинул вола вперед.

Листья чернели пятнами в освещенном костром тумане.

– Я, может, и ошибаюсь на твой счет, – усмехнулся контрабандист, снова выйдя на свет, – но ты, похоже, хорошо здешние места знаешь.

– Только потому, что знаю эту полянку, известную всем контрабандистам от Еноха до Авилы? – Незнакомец хмыкнул и проткнул еще один кусок мяса палочкой, приготовленной, пока контрабандист ходил за повозкой.

– Я, к примеру, о ней не знал, пока одна очень странная путница не сказала мне, как ее найти.

На деревянной тарелке у костра лежал большой шмат сырого мяса с остатками шкуры, а рядом – нож длиной с ляжку.

Контрабандист привязал вола к тонкому деревцу рядом с ослом.

– Ты, видно, привык распоряжаться.

– Потому что я малость постарше тебя? – Незнакомец протянул ему мясо на палочке. – Или ты принимаешь меня за таможенника, сидящего тут, чтоб кормить молодых воров?

– Нет, на таможенника ты не похож. – Присев на корточки по ту сторону костра, контрабандист пристроил свою палочку рядом с вертелом незнакомца. – Глаз, что с бельмом, у тебя зрячий?

Незнакомец ухмыльнулся. У него не хватало двух зубов сбоку, а тот, что рядом с дырой, сильно подгнил.

– Достаточно зрячий, но если не хочешь меня разозлить, не подходи ко мне справа. Он отличает день от ночи, свет от тени, а вблизи и улыбку от хмурой мины отличить сможет. Ну, а от другого и вовсе ничего не укроется. Зачем тебе это знать?

– Да просто, наверно, многие думают, что ты на этот глаз слеп. Может, и одноглазым тебя называют?

– Называют иногда, да я и не против. Знавал я одного карлика в Кхаки, так его Заморышем звали. Другой, из Венаррского каньона, был в полтора раза выше меня, ручищи-ножищи что стволы древесные, грудь и живот как две пивных бочки – он у нас звался Кабаном. Прозвища не в обиду дают, надо ж как-то назвать человека.

– Но ты говоришь, что этим глазом кое-что видишь, поэтому одноглазым тебя могут назвать только те, кто знает не близко – близкие так не скажут. А в Неверионе правит не только императрица, изобильная и щедрая владычица наша.

– Чьи таможенники сильно докучают таким, как мы с тобой, а? – Незнакомец снял с огня вертел, понюхал мясо. – К чему ты спрашиваешь? Принимаешь за таможенника меня? Что ж, тем, кого встречаешь в пути, доверять и верно не следует. Но здесь, поверь мне, бывают только контрабандисты – это тебе любой скажет.

– Может, ты был контрабандистом... когда-то прежде? А еще раньше ошейник носил?

– Какой еще ошейник? – нахмурился незнакомец.

– Такой, к которому прилагаются вот эти рубцы. Рабский.

Незнакомец вонзил зубы, здоровые и гнилые, в мясо и стал жевать, заливая бороду соком.

– Знаком тебе Колхари?

Контрабандист кивнул.

– Так я и думал. Говоришь по-городскому. Знаешь мост, ведущий через речку в старую часть города, Шпору? Там еще рынок есть?

Контрабандист кивнул снова.

– Когда я был твоих лет, даже моложе, и впервые в город пришел, то уже носил на себе шесть рубцов от кнута – наградил один пристав. Я был парень озорной еще до того, как бродяжить начал. А средство успокоения у них одно – кнут, будь ты раб или свободный крестьянин. Но когда я шел через мост – ты ведь знаешь, что на нем происходит?

Контрабандист кивнул в третий раз.

– Я встретил там человека тех же лет, что и я теперь. Красивого собой. Посмотришь – человек как человек, такой же, ты да я, но дом, куда он меня привел, был роскошный. Собственный выезд, пара лошадей и кучер на козлах – на мост этот кучер, конечно, его не возил.

Свои грязные делишки он скрывал ото всех. Так вот, у него был ошейник, какой рабы носят. Он то на мою шею его надевал, то на свою собственную. И мы с ним... ну, ты понимаешь, о чем я, иначе бы не спрашивал, так? Платил он хорошо, пригоршню железных монет каждый раз, да и золотые перепадали. Говорил, что я вылитый раб со своими рубцами. Но это было давно и ничего для меня не значило. Теперь я этим больше не занимаюсь. Встречались тебе такие?

– Бывало.

– Их полно на той канаве. Говорят, что с тех пор, как появился Освободитель, они открыто щеголяют в своих ошейниках, ничего не стыдятся. – Он откусил и прожевал еще кусок мяса. – Говорят, и Освободитель тоже из них.

– Но по-настоящему ты рабом не был?

– А хоть бы и был, так что? Ешь давай, пережаришь – весь вкус пропадет.

Контрабандист снял свой вертел с огня, сок тут же потек на пальцы.

– Раб – не человек, не мужчина. А вот если человек бывший раб, то тем больше для него чести, ты не находишь?

– Тот, кого я считаю самым великим человеком в Неверионе, был когда-то рабом. – Теперь это прозвучало не так убедительно, как раньше – может быть, потому, что перестало быть правдой? – Его войско стоит где-то неподалеку – к востоку отсюда, я слышал.

– Чье войско, Освободителя? Да, кое-кто говорит, что он одноглазый и со шрамом, вроде меня. Не знаю, правда ли, но тебе-то что за дело? Видел ты его когда? И узнал бы, если б увидел?

– Мне говорили, что он храбрый, добрый, красивый – как мы с тобой, – усмехнулся контрабандист. – Я рябой, у тебя шрам и бельмо, чем не красавцы.

– А сам ты что можешь сказать? Только то, что он великий герой? – Незнакомец помолчал и сказал: – Был я рабом, ты прав. На императорских рудниках у подножья Фальт. Там меня и разукрасили, но теперь я свободен и борюсь, чтобы освободить всех остальных рабов. Вот для чего я здесь. Теперь, когда ты знаешь, кто я такой, на что ты ради меня готов?

Жар костра передался контрабандисту и прокатился по всему его телу. Ему вспомнилось подземелье, где один голый человек стоял над другим, простертым у его ног. Нет, прочь, прочь: ему совсем не хочется быть ни на одной, ни на другой стороне этой любово-страстной игры. Воспоминание, как ни странно, и впрямь ушло, а радость узнавания наполнила его целиком, изгоняя сомнения.

– Мне говорили, что ты носишь ошейник – то есть носил его там, на мосту. Но ты сказал, что только...

– Разве в таких вещах признаются первому встречному?

Контрабандист замотал головой.

– Впрочем, я тебе не солгал. Порой твои юношеские игры настигают тебя в зрелости, скажем так.

– Твое войско стоит у замка принцессы Элины?

– Да... в разных местах окрест нас. Такой, как я, не ходит один, это слишком опасно. Мои люди сидят и там, – он показал за плечо контрабандисту, – и сям, и вон там. Ты это знай, я честно предупреждаю. За нами неусыпно следят. Вот откуда я узнал, что ты здесь: они мне подали знак. У меня служат только лучшие, готовые жизнь за меня положить. Ежели выкинешь что дурное, уйти не надейся. Если ты шпион кого-то из баронов-рабовладельцев, даже и не думай на меня руку поднять.

– А если б я был таможенником? – заухмылялся контрабандист.

– Молод ты для таможенника. Так я и поверил, что императрица пошлет такого вот сопляка против... против взрослого мужа? Ты просто нахальный проходимец из Колхари, везущий контрабанду на юг.

Контрабандист рассудил, что наблюдатели должны сидеть совсем близко, иначе костер в таком тумане не разглядишь.

– Я тоже хотел бы сразиться за тебя, только чтобы недолго. Боец из меня неважнецкий, да и на юг мне надо. В тумане, правда, не видно, куда едешь – на юг ли, на север, с меня бы случилось. Но если недолго, то я готов – вот только зачем я тебе? Тебе нужны люди преданные, побывавшие в рабстве и готовые сражаться с ним насмерть. Я видел бараки, где раньше жили рабы, видел каменные скамейки с железными кольцами, где ели свою похлебку пятьсот человек в дождь и в вёдро. Но теперь там рабов больше нет, и даже оковы на столбе для бичевания заржавели. В городе я говорил со стариками в таких же, как у тебя, рубцах – они помнят рабство. Говорил и с молодыми, бежавшими с запада – ох и злые же. Охотно верю, что в рабстве люди ожесточаются. А в детстве, с поля, где работали моя тетка и мать, я раз в год видел вереницы несчастных изможденных людей, прикованных к доскам; их гнали работорговцы в кожаных фартуках – один красноглазый, другой с заячьей губой, третий кашлял хуже своих невольников. Взрослые пугали нас ими, говорили, что они сразу нас заберут, если мы хоть чуть-чуть отойдем от дома. – Поджаренное мясо оказалось вкусней, чем думал контрабандист. – На себе, как ты, я рабства не испытал, но готов послужить твоей с ним борьбе. Поверь мне: сидеть с тобой у костра, беседовать, принимать твое угощение – для меня великая честь. Буду хвастаться этим, греясь на солнышке у тростниковой хижины, ежели до старости доживу. Но, будучи предан тебе, я не до конца предан твоему делу, потому что сам в рабстве не побывал.

– Выходит, двенадцати невольничьих ям тана Варнешского как бы не существует? Да, у него больше нет девятиста рабов, как у его отца ранее, но та единственная яма, куда загоняют на ночь человек девяносто, по-прежнему смердит так, что тебя вырвало бы, подойди ты к ней близко. Меня и то вырвало, хотя я человек привычный. Говоришь, работорговцы проходили мимо твоей деревни только раз в год? Стало быть, ты никогда не въезжал с ямсовых полей в лесные селения, где говорят только на варварском наречии, да еще таком скудном, что даже известных тебе пятидесяти слов не могут понять. Ты можешь лишь догадываться, что прошлой ночью здесь побывали работорговцы. Отцы, оплакивая похищенных сынов и дочерей, бьются лицом о стволы пальм и скалы, женщины сыплют песок в горшки с вечерней стряпней – они будут есть это еще неделю после набега. И знаешь? Я был в таком селении не пятнадцать лет назад, не пять, не год, а не далее четырех месяцев, всего в двухстах стадиях к западу. И сделалось мне там не менее тошно, чем от смрада варнишской ямы шесть лет назад. – Человек со шрамом отгрыз еще кусок мяса – этак у него скоро вовсе зубов не останется.

Контрабандист вытер о плечо собственную, залитую соком бороду.

– Я знаю, что рабство существует. И убеждаюсь в этом, когда тебя слушаю, и готов сражаться против того, что ты испытал на себе. Я не думаю, что в рабстве есть что-то хорошее, не поддерживаю его. Если б меня кто спросил, я повторил бы то, что сказал ты семь лет назад при встрече с бароном Кродаром, вызвав его ярость: «Рабство – это злая насмешка над любым, кто смотрит на солнечный свет, дышит воздухом и смеет мечтать о свободе, о любви, о праве самому распоряжаться своей судьбой; кто хотя бы на миг понадеялся, что виновников этого ужаса ждет тюрьма и справедливая казнь». Эту твою речь повторяют на всех неверионских рынках, часто искажая ее, но я докопался до истинного смысла того, что ты говорил, и не забываю этого смысла. Как можно забыть, если ты видел рабов, видел людей в ошейниках на Мосту Утраченных Желаний и даже уходил с ними? Я знаю о рабстве, но не испытал его на себе. Несколько раз я помогал бывшим рабам, и старухам и мальчишкам, отважным и безнадежно наивным, потому что знаю – очень хорошо знаю, – каково оказаться одному в большом городе. Несколько раз отказывал в помощи тем, кто пытался нажиться на том, что осталось от рабства. Знаю, это не то же самое, что взяться за оружие, и сражаться на твоей стороне, и разбивать оковы. Такой человек, как ты, не может доверять такому, как я, и прав ты будешь, если мне не поверишь.

– Но рабам ты помогал, а работоторговцам нет? Это больше, чем сделал я... больше, чем способен был сделать. Может, если б таможенники были столь же суровы с контрабандистами, как неврионские господа со своими рабами, то и ты бы за оружие взялся, а?

Контрабандист засмеялся, кивнул, откусил – все сразу.

– И то, что я знаю о твоих подвигах, будет укреплять меня в каждом бою. Сколько глаз следит за нами теперь – десять, пятьдесят, полтора? – Сам он думал, что в лесу может укрыться не больше семнадцати человек. – Я часто думал, что скажу тебе, если вдруг тебя встречу. Думал, что язык мой завянет во рту, как повозка в ручье... или как при разговоре с веснушчатой девушкой, которую я хочу так, что никакими словами не выразить... и отказ ее все равно что камень, ломающий ось. Однако вот я сижу и разговариваю с тобой, и говорю, поверь, то, что думаю. Правду? Не сказал бы, но так близко к правде, как только может надеяться вор, лжец, лиходей – так называет меня старуха, знающая обо мне не больше, чем я о тебе, хотя в чем-то она права. И если она вправе судить о человеке, которого мало знает, то и я тоже!

– Могу поспорить, что ты и впрямь лиходей, – усмехнулся его собеседник.

– Есть знак, который называется крестик, – продолжал контрабандист. – Я только его и знаю – один мой друг говорил, что им обозначают, в том числе, и неграмотных. Школяры ставят его на картах в местах событий, которые называют историческими – я видел, как они разглядывали такую карту в таверне на Шпоре, потому как цены в Саллезе, где они учатся, не по карману им. Иногда я вижу эти крестики на опоре моста у отхожих канав: варвары к ним добавляют свои каракули вроде тех, что находишь на всех южных развалинах. Ну так вот: в этом месте мой путь скрестился с твоим. Отсюда ты пойдешь сражаться за то, во что веришь, а я – заниматься своей контрабандой. Эта встреча ни тебя, ни меня не изменит, но станет поворотной точкой всей моей жизни!

– Ты и сам как школяр глаголешь! – засмеялся человек со шрамом.

– Но тебе до этого дела нет. Послушай: ты накормил и обогрел меня в эту туманную ночь. Такого я ни от кого на свете не ждал бы, а меньше всего от тебя. Если обо мне кто и вспомнит, так лишь из-за этого. Я сам помню тридцать-сорок мужчин и женщин – честно говоря, скорее пятнадцать – потому только, что ты сделал для них еще меньше, чем для меня. Одна женщина, воевавшая за тебя, сказала мне, что ты иногда здесь бываешь. Потому я сюда и пришел, только за это ее и запомнил, хотя она иноземка и большая чудачка. Зовут ее Вран...

– Да, я знаю ее!

– Глупо, конечно... но ты и представить не можешь, какая это для меня радость! – Что-то подумают незримые соглядатаи о его излияниях? Да пусть себе думают что хотят! – Вот что главное: радость. Встретить наконец человека, который для тебя значит больше всех остальных – на что еще я мог...

– Погоди-ка. – Человек прислонил к камню палочку с недоеденным мясом и взялся за нож. – Говори, что везешь.

– Но зачем тебе...

– Затем, что ты везешь контрабанду из Колхари в Гарт. Говори сей же час.

– Да что тебе за...

– По-твоему, освобождение рабов обходится дешево? Я забираю для своей кампании все, что могу. Так что у тебя в повозке?

Контрабандист откинулся назад, упершись кулаками в мокрую землю.

– Ну же. Тебя послушать, так ты должен гордиться, что мне помогаешь.

– Не знаю я, что везу! – В повозке под холстом, кроме горшков и мешка, лежало еще и оружие: клинки как длиннее, так и короче того, что держал в руке этот человек; две дубинки, одна с железными шипами, другая без; короткий лук и колчан с девятью стрелами, каждая с острым кремнем на конце (еще пять, вымоченные в дорогом масле, лежали отдельно – если их

поджечь, не погаснут даже в полете); пять грифельных ножей и еще три из разных металлов – только один слегка заржавел, несмотря на смазку; но все это было упрятано поглубже, на всякий случай.

Человек тяжело, будто вол, поднялся – и перепрыгнул через костер, звякнув ножными браслетами.

Контрабандист простерся навзничь на мокрых листьях, а человек с ножом встал над ним.

– Вставай, поглядим, что у тебя там. – Он дернул контрабандиста за руку, больно. – Пошел! А кобениться будешь, враз перережу глотку!

Горящий позади костер освещал половину бороды, половину рассеченной губы, колышек в ухе.

– Хорошо-хорошо, забирай что хочешь! – Две картины накладывались одна на другую в его уме, не желая обрести ясность. – Разве ж я пожалею что для своего героя? Дай только встану. Мешок я везу, вот что! – Лезвие царапнуло ему подбородок. – Не надо! Думаешь, я против, что ты его заберешь? Чудо, что безмозглый болван вроде меня и досюда-то доехал! – С одной стороны ему представлялись города – не Колхари и не тот, что в Гарте, – где ему придется затаиться не меньше чем на год, чтобы недовольные получатели не разделались с ним по обычаю тех жестоких времен. – Для меня честь отдать твоему делу все, чем я владею, поверь! – Другая картина касалась людей Освободителя, засевших в лесу. Только и ждали, поди, как контрабандист с товаром подъедет. Это женщина в маске послала его сюда! И наврала, конечно, и про шрам, и про глаз... Ловко его навела.

– Вставай, показывай свой мешок! Мои люди мигом тебя продырявят, коль дурить будешь! Медленно. – Лезвие чуть отступило от горла, но продолжало порхать рядом, временами касаясь его.

Как только контрабандист встал, грабитель заломил ему руку за спину, а нож уперся в поясницу.

– Шагай к повозке.

«Может, сумею ухватить нож поменьше, – думал контрабандист, – а там...»

– Сейчас достану. – Он взялся за повозку свободной рукой, и нож тут же вонзился рядом.

– Отрезать их, что ли, ручонки твои шаловливые? Думаешь меч или дубинку достать? Я один палец потерял уже из-за таких штукарей. Я, парень, тем же промыслом занимался дольше, чем ты на свете живешь. Медленно давай и без глупостей.

Контрабандист залез под холстину, вытащил из-под горшков мешок.

– Вот! Сказал ведь, что по доброй воле отдам! Ой!

Грабитель, отшвырнув его прочь, взял мешок, вернулся к костру, проткнул ножом мешковину.

– Ну-ка посмотрим, что у нас тут!

Из мешка со звоном посыпались диски величиной с ладонь. При свете костра стало видно, что по ободу они украшены причудливыми варварскими письменами. Посередине торчали винты, прикреплявшие, как видно, к верхнему диску что-то еще.

Мысли контрабандиста несколько прояснились. Он, привыкший отделять один от другого противоречивые рассказы об Освободителе, видел перед собой две разновидности своего ближайшего будущего.

Первая была проще некуда: человек этот в самом деле Освободитель, с людьми в засаде или без оных, и то, что говорили его противники, правда: он обыкновенный разбойник и себялюбивый негодяй, какие бы там цели он якобы ни преследовал. Контрабандист понимал, что в таком случае весьма скоро умрет: грабители с большой дороги не отпускают свою жертву, чтобы она могла потом отомстить.

Вторая была ненамного сложнее: никакой он не Освободитель, а такой же контрабандист, поддакивавший некоторое время бредням молодого болвана, и только благодаря нелепости

этих бредней молодой болван еще жив. Никаких сообщников в засаде у него нет, но молодой болван так и так недолго протянет.

Обе возможности разнились только тем, что в первом случае у грабителя могли быть помощники. Понять, какая из них вернее, было не легче, чем разобраться в историях о том же Освободителе.

На бегство контрабандиста подвигли не страх и не храбрость, а сознание того, что только так и возможно спастись. Ему и так везло до сих пор – видно, разбойник попался неопытный, Освободитель он или нет.

Контрабандист пригнулся и нырнул в туман.

Оттуда тут же выступили люди с мечами, ясно давая понять, которая из догадок была правдивой. Беглец споткнулся, упал и перевернулся на спину, желая видеть, что произойдет с ним в последние мгновения его жизни.

– Ты! – крикнул разбойник-Освободитель.

Первый воин молвил знакомым женским голосом:

– Можно ли так обращаться с умным красавчиком! – Еще миг, и его меч – странный какой-то меч – чиркнул по лицу грабителя. Тот, даже не вскрикнув, лишь захрипев, выронил нож и мешок и схватился за глаз. Сквозь пальцы – особенно там, где одного не хватало – хлестала кровь. – Видишь мой меч? – спросила его Вран. – Он двойной, не то что ваши. И оба лезвия обоюдоострые. Не поверишь, как хорошо он режет. Первым делом я отчищу тебе яйца, одно за другим, потом нос, потом, глядишь, ухо. Пока все это будет падать, я возьму твой член в руку и отделию от тела. Потом дойдет очередь до сосков – я вскрою заново все раны Эйфха, не сомневайся! Если, конечно, ты не предпочтешь убежать. Тут у меня шесть храбрых женщин и еще шесть двойных клинков, притом они куда злее меня. Просто звери лютые, и каждая владеет мечом куда искусней, чем я. Вот эта не иначе сожрет все мною отрезанное, а та... даже говорить не хочу, что способна она сотворить с мужским телом – да не мечом, а грязными своими ногтями, которых у нее десять! И хитрых жирных слизняков вроде тебя она особенно любит.

Контрабандист, все еще лежа навзничь, видел, что мечами вооружены только пять женщин, а шестая, с волосами светлее, чем у всех остальных, безоружна. Все они были повыше Вран, гологрудые, как и она, но маску, кроме нее, ни одна не носила.

– Ну так как, намерен бежать? Может, мы тебя и поцарапаем малость, пока преследуем, зато ты избежишь мучений, унижения и неминуемой смерти – ведь не станем же мы отпускать тебя, чтобы ты потом отомстил; а муки, которым мы тебя подвергнем, только варварам впору. Смерть покажется тебе избавлением. Да что с тобой говорить, ты и сам настоящий варвар! Так что для начала – палец на руке? На ноге? Яйцо? Ноздря? – Вран приставила к его бедру меч, как он сам приставлял раньше нож к горлу контрабандиста.

Последний был уверен, что грабитель даже и не слышит ее речей, – но прикосновение металла побудило его метнуться в лес мимо двух других женщин. Те с гортанным смешком взмахнули мечами, намеренно промахнувшись на целый фут.

Беглец врезался плечом в дерево, упал на одно колено, попытался встать, не сумел, попробовал снова и наконец поднялся.

Женщины сопровождали его попытки лающим смехом.

Вран встала над контрабандистом – ее меч, который он теперь хорошо рассмотрел, целил ему в ухо – и протянула руку.

– Вставай, красавчик!

Он снова уперся пятками в мокрую, не дающую опоры землю.

– Это Освободитель? – спросил он с отчаянием, зная, что она его не поймет. Он хотел отвести меч в сторону, но она взяла его большую руку в свою, маленькую и жесткую, и вдвинула меч в лохматые ножны.

– Кто, он? Разрезанный надвое червяк, извивающийся в грязи? Впрочем, когда заживет его глаз, он будет похож на Освободителя больше прежнего. – «Потому, что шрам останется, – подумал контрабандист, чьи мысли перемещались из тумана на лунный свет и обратно, – или потому, что глаз с бельмом совсем вытечет?» – Правду говорят у меня на родине: мужи не должны другим мужам доверять. Вы смотрите друг другу в глаза, улыбаетесь, поддакиваете любой лжи и обману – а как только один отвернется, другой так и норовит вцепиться ему в спину когтями. Это он-то Освободитель? Малый не лучше всякого желтоволосого парня, торгующего собой на столичном рынке? Гнуснейший из воров? Может, даже контрабандист... но нет, ни один контрабандист и ни один продажный парнишка не может так низко пасть. Хотя кто знает... вот заглянем в его повозку, авось найдем что полезное для тебя. Ну, вставай же!

Его рука дрожала в ее ладони – не от страха, а от перенесенного ужаса: ничего подобного он еще не испытывал.

– Поднимайся, красавчик. Не хочешь разве посмотреть, что тебе перепало от старого мордоворота?

Он снова попытался встать и снова не смог.

– Надо было убить его! – Женщины – половина из них уже убрали мечи в ножны – усмехнулись в ответ. – Что, если он вернется?

– На этот счет не волнуйся, – сказала Вран. Она потянула его за руку чуть сильнее, опять безуспешно. Боясь расплакаться перед этими чужеземками, он вдруг понял, что начал бояться, как только она села к нему в повозку, но страх этот до времени таился в своего рода тумане. Однако на ее лице даже при слабом свете он не мог прочесть ничего, кроме терпения, заботы и ласки. – Ты спасен, ничто тебе не грозит. Вставай.

Если б она угрожала ему страшными муками, как недавно грабителю, он бы не ужаснулся сильнее, но этот новый ужас тут же и прошел – всему есть предел, как видно. Контрабандист остановил его усилием воли, не слишком отличным от того, к которому прибег в колхарийском подземелье, запретив себе поддаваться чувству, способному его сокрушить. Вран все с той же мягкостью тянула его, уговаривала и наконец подняла – привыкла, надо думать, обращаться с мужчинами, ведущими себя точно так же.

Он прислонился к ней в близком к параличу состоянии.

– Все хорошо, – убеждала она. – Беспокоиться больше не о чем.

По сравнению с подругами она была совсем маленькой. Раньше, когда он ее вез, она ему такой не казалась.

– Тебе сильно досталось, но теперь все прошло. – Она то и дело говорила что-то другим женщинам на своем языке, и они смеялись – не над ним ли? А, все равно.

– Надо было все же убить его, – повторил он, утвердившись немного на ногах; таково было правило, принятое в те жестокие времена относительно таких, как этот человек и он сам. – Грозилась ведь, отчего ж не убили?

Женщина постарше резко бросила что-то (насчет природного мужского жестокосердия, не иначе). Может, даже поддержала его.

Вран ответила ей столь же резко, а ему мягко сказала:

– Разве мы варвары, чтобы убивать всех встречных мужчин? Цивилизованные женщины так себя не ведут.

– Он не вернется, будь спокоен, – сказала безоружная светловолосая женщина, осматривая палочку-вертел с остатками мяса. – Он слишком напуган, слишком сильно ранен. Притом нас много, а он один.

Говорила она, как уроженка Ульвен. Зная островитян несколько лучше, он приободрился и попытался выпрямиться. Слабость, которую он испытывал среди этих женщин, доставляла ему, помимо прочего, странную чувственную приятность.

– Убить? – продолжала Вран. – Чудной ты мужчинка. По-твоему, мы убиваем всех самцов, какие нам подвернутся? Мы ж не чудовища. Впрочем, в этой странной и ужасной земле, где мужчины тщатся занять место женщин, ты должен быть наслышан о пауках, богомолах и прочих тварях, чьи самки так делают.

– Зачем же тогда... – он отошел от нее, – зачем вы сюда пришли? Из-за меня?

– Хочешь знать зачем? – снова усмехнулась она. – Из-за красоты твоей, вот зачем! Встретила я своих подруг в Сарнесе и сразу сказала: не поверите, какой красавец подвез меня, когда дождь шел. Пойдемте, и я покажу вам красивейшего из сынов Эйфха!

Та, что как будто понимала его язык, фыркнула и отвернулась, будто ожидая появления чего-то крайне мерзкого из тумана.

– Какая женщина – а они все настоящие женщины – не соблазнулась бы?

Другая воительница, отошедшая в темноту, вернулась и гневно что-то произнесла. Вран, как видно, отмочила в ответ какую-то соленую шутку, потому что остальные заухмылялись.

– Когда следы твоих колес оборвались недалеко от указанного мной поворота, мы сразу поняли, что ты повернул сюда. В эту берлогу, где ищут убежища все воры и головорезы между Енохом и Вархешем, опасаясь императорских стражников. Я и говорю девочкам: пошли посмотрим, где он лагерь разбил. Пришли мы и видим, – она чуть ли не застенчиво потупила взор, – что там есть еще мужчина, тоже собой недурной, хотя с тобой не сравнить. Мы и затаились, чтобы послушать, о чем вы меж собой говорите, когда нас не стесняетесь. Вдруг, думаю, ты и про меня вспомнишь... Но у вас тут только и разговору, что про Освободителя – и ты, видно, не сильно от других отличаешься...

– Пойдем уже, Вран, – прервала островитянка. – Незачем здесь оставаться.

Та лишь отмахнулась и продолжала:

– Скоро мы поняли, что твой товарищ – дурной человек. Не такой, как ты, посадивший к себе в повозку усталую путницу по доброте сердечной. – Она легонько коснулась его щеки. Ее глаза в прорезях маски казались черными при свете костра.

Одна из женщин подбросила дров в огонь. В волосах Вран сверкнуло что-то синее, а женщина, по всей видимости, тоже сказала, что им пора.

Контрабандист боялся один уходить в туман, но и с ними не хотел оставаться. Он бесцельно бродил по поляне, не зная, на что решиться.

9

Они, однако, задержались на целый час: уходить ночью в лес – это не за дверь выйти.

Контрабандисту не терпелось пуститься в путь, но он не знал, насколько тяжела рана грабителя, и не хотел бы снова встретиться с ним один, да еще в тумане, когда тот разживется сообщниками и получше вооружится.

Поэтому он ждал, когда и женщины двинутся.

Причиной задержки, похоже, стал спор между двумя воительницами: немолодой, с обвисшими плоскими грудями, и совсем юной, у которой только сосочки торчали над ребрами.

Вран и другие сопровождали их перебранку шутками, на которые спорщицы огрызались.

Островитянка стояла в стороне от прочих, подле осла; тот время от времени вынимал морду из торбы, но ни звука не издал с тех пор, как его хозяин стал грабить контрабандиста. Волосы у нее, кажется, были рыжие, а где рыжина, там и веснушки. Контрабандист подошел поближе, просто чтоб посмотреть.

Он полагал, что она примерно его ровесница, но вблизи разглядел морщинки у глаз, увядшие плечи, а в волосах, и впрямь рыжих, сквозила уже седина. Стало быть, она старше его лет на десять, а веснушки если и есть, то в неверном свете костра их не видно. Чтобы хоть что-то сказать, он спросил ее:

– Кто они? – Она нахмурилась, и он добавил, кивнув в сторону остальных: – Эти женщины?

– Мои подруги, – кратко ответила она. – По крайней мере, одна из них. – Это относилось к Вран; та, стоя к ним спиной, снова достала меч и усердно полировала его куском замши.

– Она твоя подруга? – Переспрашивать было глупо, но он никак не мог сосредоточиться на том, что ему говорить и что делать.

– Ну, сейчас у нее только ты на уме, – улыбнулась рыжая, – а я подруга старинная. Последние пять лет я ее разыскивала, а недавно, встретив ее землячек, решила, что с ними скорей найду – или она нас найдет. Так и вышло, но она только и твердила про умного красавчика, который ее подвез. Повезло тебе, что мы пошли вместе с ней!

Контрабандист смотрел на узкую мускулистую спину за костром, на синие бусины в волосах, на два клинка в отблесках пламени. Он не заметил особой близости между Вран и рыжей и не сказал бы, что она питает какую-то особую склонность к нему самому – а ведь она ему жизнь спасла!

Одержимая она, что ли?

Ему не верилось, что предметом этой одержимости может быть он. Эта туманная ночь сделала его ничем, пустым местом – разве можно быть одержимой ничем?

– А другие? – спросил он рыжую.

– Страшноваты – во всяком случае, на мой взгляд. Я убеждаю себя в том, что они просто уроженки другой страны, где все делается не так, как у нас. Но как только я внушу себе, что на самом деле они хорошие, одна из них оборачивается и делает что-то такое... впрочем, они, наверно, тоже находят меня странной и страшноватой.

– Что ж ты от них не уйдешь?

Рыжая поглядела по сторонам.

– Устала путешествовать по Невериону одна. От защиты отказываться негоже, особенно в такой вот туман. Кроме того, я только что свою подругу нашла, а она уж верно не останется с ними надолго. Она скучает по ним, когда они далеко, а вблизи они ей быстро надоедают. Скоро мы с ней снова будем вдвоем – если то, что было пять лет назад, что-то значит.

Спор у костра возобновился. Вскоре плотная женщина, понимавшая как будто по-неверионски, сердито сказала что-то по-своему, бросила ветку, с которой обдирала кору, и подошла к контрабандисту и рыжей.

Вол шарахнулся, чавкнув копытами по грязи. Осел знай хрустел сеном.

– Иди, пожалуйста. К повозка этот разбойник. Возьми своя доля. Быстро. Чтобы мы взяли своя. – Она крепко взяла контрабандиста за руку и повела – он только теперь смекнул, что ждали они, выходит, его. И спорили как раз из-за его бездействия.

Он дважды пытался заговорить, рассказать смешную историю о том, как медленно до него все доходит даже и на родном языке и в какие неприятности он попадал по этой причине.

– Вот помню, как-то раз... – Но только Вран и рыжая понимали его настолько, чтобы оценить плоды его сочинительства. Да и сочинить ничего толком не получалось – эти возникшие из тумана незнакомки привели его в полный конфуз.

Женщина, выдернув подпорки, убрала шалаш у повозки. Внутри обнаружилось меховое одеяло, еще один горшок, воткнутый в землю нож, куски веревки. Пахло здесь кислым, как после ночевки самого контрабандиста в особо долгих поездках.

Сама повозка была покрыта кожей с красивым тиснением. Женщина откинула ее, обрвав все тесемки, кроме одной.

Контрабандист ожидал увидеть внутри примерно ту же поклажу, что у себя под холстиной, но при виде того, что лежало под кожей, ему вспомнилась старуха, волочившая мешок по мосту.

Горшки, шкуры, веревки – ну, и оружие тоже – вполне могли вывалиться из таких вот мешков.

– На! – Женщина достала из груди сильно побитый горшок. – Хочешь?

Контрабандист помотал головой.

– Мы тоже нет. – Она швырнула горшок через плечо и вытащила нарядный клинок фута полтора длиной, с резной костяной рукоятью, окованный драгоценным, возможно, металлом. – Дурные ваши мечи. Только один край острый, другой нет. Один... один лезвий. Дурной меч для мужчин. Один, как член без яйцы. Хочешь?

– Нет! – твердо заявил он.

– Хлам, – ворчала женщина, роясь в повозке. – Что хочешь? Мы искать.

– Нет, мне надо только... – Он чувствовал себя новичком-лицедеем, который, выйдя на подмостки, начисто забыл свою роль.

– А это хочешь?

Он даже смотреть не стал. Его мешок лежал у костра; он подошел и стал собирать выпавшие диски, не глядя на них, не желая их видеть.

Эта женщина, которая сейчас вовсе на него не смотрела, напомнила ему вечно недовольную мать.

Нечаянно он все же взглянул: каждый предмет представлял собой три диска, скрепленных вместе. Верхний – простой ободок с крестовиной, средний – какие-то завитушки с мелкими дырочками, нижний – что-то вроде карты, вокруг которой крутились два верхних. Такие же знаки, как на ободке, встречались ему в варварских землях... этими штуками моряки, что ли, пользуются. Они как-то со звездами связаны... в памяти всплыло слово «астролябия» – вот как они зовутся. Кто-то – друг-лицедей, кажется – показывал ему такую на шее моряка в гавани. И давно пропавшая горянка – он вспомнил теперь – носила такую на шее! Но магия, заключенная в них, оставалась для него тайной.

Тень упала на диск у него в руке, и рядом присела Вран.

– Давай помогу. – Она подавала ему астролябии, он запихивал их в прореху. Мешок меж его колен тяжелел. – Вот, значит, что ты на юг везешь. Красивая варварская работа. Непонятно, как они на севере оказались, но нам до этого дела нет. А обратно в Колхари что повезешь?

– Ничего, – нахмурился он.

– Неужто пустой поедешь?

– Мне хорошо платят за поездку на юг.

– Так ведь оттуда на север тоже много чего можно взять. Ты поспрашивай. Северные заказчики тебя не накажут, если разживешься лишней монетой.

В другое время он объяснил бы, что если по дороге на север его остановит досмотрщик и ничего незаконного не найдет, то при следующей езде на юг тот же таможенник может пропустить без досмотра. Но сейчас он сказал лишь:

– Ладно, подумаю.

– И не забудь, что я тебе говорила про земли принцессы Элины.

Женщина, осматривающая повозку грабителя, что-то крикнула. Вран ответила ей и спросила:

– Ты точно ничего оттуда не хочешь?

Он хотел только кожаную покрышку, но даже это у него не было сил сказать.

– Нет, – вымолвил он, думая про себя: «Курак ты, дурак».

Женщина у повозки произнесла нечто явно нелестное для него. Другие, смеясь, подошли к ней и стали разбирать то и это.

Он поднял свой дырявый мешок, глядя, не закатилась ли куда пара-другая астролябий.

– Дай-ка мне. – Вран забрала у него мешок, зашвырнула в его повозку, затолкала поглубже, накрыла холстиной. Надо бы сказать ей спасибо – отчего же он молчит? Откуда в нем эта пустота, из которой хоть убей ничего не выжмешь?

– Спасибо, – процедил он с вымученной улыбкой. – Все, мне пора...

– Поехали с нами, – вдруг предложила она. – Так тебе безопасней, а то и веселей будет.

– Куда это с вами?

– Э, не забивай лишним свою умную головку, красавчик.

– Надо же мне знать куда.

– Ну, вот он опять. Не твоя забота.

– Да не могу я! Спасибо, что позвала... и что спасла, конечно. Я ж недотепа, со мной у вас хлопот будет больше, чем с тремя мужчинами, вместе взятыми. Всегда таким был, таким и останусь, хоть плетью меня бей. Защита мне пригодилась бы, спору нет... но у меня ведь свои дела.

Вран и проходившая мимо женщина понимающе хмыкнули.

– Поеду я... вдруг злодей этот где-то в кустах засел. – «Было бы чего бояться, это ж мужик», – подумал он ни к селу ни к городу. Их, вот кого он боится! (Спроси ее про покрышку...). Но они ведь его спасли? – Надо ехать. Не задерживай, сделай милость!

– Милость? – Вран, больше не улыбаясь, склонила голову, будто покорившись судьбе. – Едем с нами!

Он ощутил разом испуг, гнев и обиду. Что он может ей сказать? Только «нет». Вспомнив, что испытывал то же самое с тремя своими последними женщинами, он поступил с ней так же, как с ними, хотя эта воинственная кроха вызывала в нем еще меньше желания, чем мужчины, порой удивившие его с моста: взял ее лицо в ладони (она удивленно захлопала глазами под маской) и притянул к себе. Она, как и другие при расставании, не поддалась. Он обнял ее, и это, как и в трех других случаях, было все равно, что обнимать дерево или камень. Самая последняя, юная дурочка, точно так же сопротивлялась ему – неужели все женщины на свете и впрямь одинаковы? Он попытался вспомнить, как она села к нему под дождем. Ее намерение прибегнуть к мужской помощи было, по его мнению, признаком женской слабости, и держалась она с ним игриво и забавно, хотя и странно. Теперь же, с приходом ее подруг, стало ясно, что ни в какой помощи она не нуждается и слабости в ней ни на грош. Ее кажущаяся женственность была иллюзией (только в ней или во всех других женщинах?). Его опыт как с женщинами, так и с мужчинами говорил ему, что слабым она считает как раз его. Чувствуя в ней ту же удивительную, невероятную силу, что и в тех трех, он отпустил ее еще раньше, чем их. Сердце у него билось сильнее, чем он ожидал, дыхание пресекалось. Страх, вот что это такое! Сколько женщин в его стране вот так же покидает своих спасителей, наскоро поблагодарив их? И откуда у этих чужеземок такая сила? Простые понятия, в которых он жил, не позволяли ему ложно заявить «от меня» (как и любому его современнику, ищущему источник собственной силы), и поэтому он чувствовал себя тревожно и неуверенно, как юная девушка.

Вран улыбалась, как и все остальные.

– Поеду, – пролепетал он. – Пора...

– Хуп-а! – крикнула одна женщина, и повозку грабителя с оставшимися пожитками дружно перевернули.

Контрабандист заметил, что пострадала не только повозка: камни вокруг костра раскидали, горшок опрокинули, тарелку разбили, мясо затоптали в грязь.

– Идем? – сказала, обращаясь не к нему, женщина, знающая здешний язык.

– А как же осел? – спросил он, распутывая поводья обоих животных, чтобы отвязать своего вола.

– Оставим здесь, – ответила она. – Для него. Он вернется – ему надо. Верно?

С этими словами она извлекла свой двойной меч и рубанула осла по шее – чуть голову ему не снесла. Осел с булькающим звуком припал на передние ноги, наткнулся на вола, на женщину, повалился набок. Его ребра трижды шевельнулись и затихли совсем.

– Вот. – Женщина убрала меч в ножны. – Оставим ему. Он найдет.

Осел фыркнул вдруг в свою торбу, взбрыкнул ногами и умер. Вол обошел его. Кровь брызнула контрабандисту на ногу – он не стал вытирать.

Сердце у него колотилось. Ужас стоял вокруг стеной, как туман.

Вран опять отошла, но рыжая не сводила с него глаз. Он перевел дух так шумно, что Вран оглянулась. В ноздри ударил запах свежей убоины. Вол замычал, не глядя на труп; хозяин взял его под уздцы и повел прочь, приговаривая успокаивающие слова.

Женщины, считая и Вран, потолковали о чем-то; тощая обмакнула длинную палку во взятый из перевернутой повозки горшок и сунула в огонь. Когда палка занялась, женщина подняла факел повыше и закидала костер ногой.

Бок вола был весь в ослиной крови. Женщины, переговариваясь, уходили в туман, контрабандист двинулся следом. На том месте, где он поначалу оставил повозку, факел осветил лошадиный глаз и пятнистую шкуру, послышалось ржание, зашуршали копыта. Женщины, отыскав своих спутанных лошадей, сажались на них; контрабандист остановился, гадая, не бросят ли его одного в темноте. Потом голос Вран сказал откуда-то сверху:

– Не беспокойся, мы шагом поедем. Следуй за нами.

Они и правда ехали медленно достаточно долго, чтобы вывести его на дорогу. От первого факела зажгли еще два, дешевое масло сильно чадило.

Вран подъезжала к нему трижды – то одна, то со спутницей.

– Куда вы теперь? – спросил он ее в третий раз.

– В Западную Расселину! – разделяя общее веселье, сказала она. – Мы наконец-то покидаем Неверион.

Убившая осла женщина прокричала что-то в ночь, размахивая факелом.

– Там нам хорошо будет, – объясняла Вран. – Створки Расселины имеют такую же форму, как наши внутренние клинки. Оказавшись внутри, – она хлопнула в ладоши, – мы снова попадем в область цивилизации и здравого смысла. Оставим позади эту безумную страну с ее рабами и освободителями, страну, где якобы правит императрица, а на самом деле – злокозненные мужи, которых невозможно застать на месте. Хочешь со мной, мой умный красавчик?

– Нет! Я не могу!

Она объехала его повозку кругом и ускакала вперед. Верно ли судила о своей подруге рыжая, едущая вместе со всеми? Еще через пару стадий он залез на козлы, щупая сзади и под сиденьем. Не достать ли на всякий случай что-нибудь из оружия? Он решил не делать этого и потащился дальше, вдыхая и выдыхая туман. Факелы впереди превратились в размытое розовое пятно, но возгласы и смех еще слышались.

Не окликнуть ли их, обеспечив себе защиту, хоть и пугающую? Он чувствовал себя покинутым, брошенным.

Он представил, как стоит на троне в том подземелье, а Вран лежит у его ног, скованная. Или наоборот? Перебирая в уме разные картины, он ждал прилива желания, могущего открыть ему причину пережитой этой ночью тревоги.

Но кладези его тела оставались безмолвными, будто их вовсе не стало.

Нет, решил он. Эти фантазии слишком близки к правде (пусть и непознанной), чтобы представлять себя или ее в цепях.

Пусть себе едут. И она в том числе.

Вздремнул он, что ли? Повозка все так же дребезжала в рытвинах, но света впереди больше не было.

Его окружала тьма – он ничего не видел дальше вожжей.

Не обратился ли вол в крылатое чудище, влекущее его по небу или по морю?

Может, остановиться? Прилечь прямо в повозке, дожидаться, когда в нее заглянет солнце... или окровавленное лицо со шрамом?

Или ехать дальше во мрак, не позволяя себе уснуть?

Вопросы утомляли его, и он стал сочинять историю. «Ты не поверишь, – говорил он воображаемому слушателю, – сколько времени я убил на погоню за Освободителем – как последний дурак, ищущий героя, который придаст бы смысл его жизни. Он был моей страстью и моей целью! И вот как-то ночью, еду на юг, я повстречал его у костра при дороге. Герой? Обыкновенный разбойник! Он накормил меня, усыпил мою бдительность видимостью дружбы, а потом попытался убить! Хотел повозку мою угнать, будто бы ради своего дела! Это точно был он. Раньше я встретил его человека, и та – то есть тот – сказал мне, где его можно найти. Шрамы у него есть, это верно, но он не одноглазый – всего лишь бельмо на глазу. Еле я ноги унес. Обычно он без своих людей ни на шаг – они или рядом, или в лесу сидят и ждут его зова. Мне повезло, что на этот раз он решил пойти на разведку один. Он врал, конечно, что не один, но я его ложь разгадал. Полоснул его по лицу одним из клинков, что вожу в повозке, – как раз по здоровому глазу пришлось. Я не видел, ослеп ли он целиком – он сбежал. Я опрокинул его повозку, зарезал его осла, а поклажу даже не тронул. Там покрышка красивая была, кожаная, но я и ее не взял – такой уж я дуралей. Он за мной не стал гнаться – то ли из-за раны, то ли просто боялся».

«Смотри, как бы он после тебя не догнал, – говорил невидимый собеседник. – Знаю я этих душегубов с большой дороги...»

Ну, я же все-таки выбрался оттуда в темноте и в тумане, таком густом, что ни звезд, ни луны, а то и солнца не видно было. Казалось бы, человек, которого весь Неверион чтит (я знаю, потому что со многими говорил и сам чтил его раньше), казалось бы, такой человек должен достойно себя вести. Ты не ждешь, что он подкрадется к тебе в ночи и приставит нож тебе к горлу, как вор в колхарийском переулке...»

«А он что, так и сделал?»

«Нет, – отвечал наш контрабандист, снова оглядевшись по сторонам, – но непременно сделал бы, если б представился случай. Теперь, после встречи с ним, я знаю, каков он. Этот человек использует то, что дураки вроде меня в него верят. Я это знаю из первых рук. Мог ты себе представить, что Горжик Освободитель, всенародный герой – обыкновенный головорез? Я-то, глупец, думал, что он хочет избавить народ от страданий, а он попросту караулит на каждом перекрестке и...»

Контрабандист содрогнулся, глядя вперед так, будто там вдруг выросла каменная стена. Он и верно был дураком, слушая мудрецов и учителей Невериона. Правда – немеркнущий свет, говорят они? Правда – это мрак, куда страшно заходить одному и где таятся всевозможные ужасы.

Правда в том, что сам он – испуганный невежда, затерянный в безлунной туманной ночи.

Он заплакал, почти беззвучно, но дружественный голос в уме, не обращая на это внимания, отечески-ворчливо сказал: «Я слышал многих людей, не одобрявших Освободителя. Он, говорят они, думает только о себе, как и все остальные. Признайся, что в наши тяжкие и опасные времена предполагать такое только разумно».

Контрабандист отвечал сквозь слезы: «Теперь-то я понял, что он лжец, убийца и вор, ничем не лучше тебя или меня. Теперь я сужу о нем по себе».

«Нет, не стану я про это рассказывать, – решил он. – Никогда, никому».

Прежде всего, это глупо. Он высморкался и сплюнул. Всякий, кто хоть что-то знает про Освободителя, выдумщика сразу разоблачит. Он, конечно, дурак, но не настолько же.

Он ехал по темной дороге, продолжая рассказывать свою историю себе самому.

10

Два босоногих солдата тащили по неровному полу бревно. Длинный кряхтел, коренастый помалкивал. Обменявшись кивками и парой слов, они закинули свою ношу в широкий очаг – шире, чем они оба, если сложить их в длину.

Искры и дым поднялись столбом. Горжик, сидя за дощатым столом, поднял глаза от карты.

Солдаты отряхнули руки – один о волосатые ляжки, другой о гладкие, – отдали ему честь и вышли.

Коренастый был женщиной, варваркой.

Одно из потолочных стропил – год назад, а может и сто – сломалось, упершись одним концом в пол. Закопченная мозаика между шестью уцелевшими стропилами от этого несколько не пострадала, а к косому теперь крепили факелы, вешали на него оружие и занавески – кстати, можно сказать, пришлось.

Один боец, стоя под факелом, осматривал свой меч – двойной, что ли?

«Нет, – подумал Горжик, – померещилось из-за игры пламени». Или из-за пива, которое он решил не пить, но все-таки выпил.

Нойед, сидя на другом конце стола в своем железном ошейнике, смотрел не в огонь, а на стену у очага.

– Я вижу сны... – сказала принцесса, покачиваясь на бревенчатой скамье. – Знали бы вы, что мне снится, одноглазая моя обезьянка, мой великий Освободитель. – Волосы у нее поределели так, что на солнце сквозь них сквозила кожа, одежда пообносилась. Она сидела близко к огню, и лицо ее блестело от пота, между тем как солдаты, чьи голоса и смех доносились до них, часто жаловались на сырость и холод. Ее сморщенная, со старческими пятнами рука потянулась к тяжелому кубку с усадебным сидром, крепким как водка – и промахнулась. – Мне снилось, что мы с тобой, Горжик, заблудились детьми в чертогах Высокого Орлиного Двора и ищем дорогу по хлебным крошкам, как голодные крестьянские дети в старинной сказке.

– У нас не было общего детства, моя принцесса, – усмехнулся краем рта Горжик. – И голодать вам не приходилось.

Она нашарила-таки кубок, поднесла к губам, выпила.

– Почему ты знаешь, Освободитель? Ты-то уж верно не голодал. Всем бы рабам такие мышцы, какими ты щеголял во дворце – поневоле задумаешься, правду ли рассказывают о рабстве. Нойед другое дело: на него глядя, всему поверишь.

Бревно, подброшенное в огонь, на поверку оказалось сырым – оно шипело и плевалось, будто коря сухие дрова за их смоляные слезы.

Горжик рассеянно вел пальцем по карте; намеченный им путь, когда он отвлекся, свернул куда-то не туда, как заблудший в тумане путник.

– Нойед, ты на что так уставился?

Тот вздрогнул.

– На камни, хозяин. Видишь эти камни у очага? Я все думаю...

– Он думает, размышляет, прикидывает, – сидр выплеснулся из кубка, – а я все больше грежу...

– Вон из того стыка все время ползет туман. Это сырость превращается в пар или он снаружи сочится?

– Спроси принцессу, это ее замок. – Голоса солдат стали громче. – Чего они не поделили на этот раз? Уж эти мне варвары, что мужчины, что женщины. Им бы заодно быть, а не кидаться друг на друга за каждую мелочь.

– Заодно, говоришь? Ах, мой Освободитель. Я потому лишь тебя и поддерживаю, что не обязана быть с тобой заодно. Да, я снабжаю тебя деньгами, кормлю твоих людей и плачу им, принимаю вас в своем доме – и горжусь этим. Мужчина может многому научиться, лишившись женской поддержки, – спроси любого из своих варваров, они тебе скажут, – но ты, боюсь, никогда не научишься. Да, это мой замок, верно. И новое крыло, между прочим. Посмотри вверх – там есть крыша! Вас всех я разместила в маленьких покоях, пробитых в стенах старого чертога без кровли, и сама тоже в таком живу...

– А что, если дождь пойдет, госпожа? – заволновался Нойед.

– Дождь? В это время года, обезьянка, в Неверионе дождей не бывает – только туман. – Принцесса взмахнула кубком, пролив еще больше сидра. Ее речь становилась несвязной. – Сиди тихо, не то велю тебя зажарить на вертеле и съем, как Безумная Олин своих сыновей – тогда, правда, дождь лил ливня...

– Хозяин! – Нойед взобрался на стол с ногами. – Когда мы уйдем из этого замка в другой...

– Я грежу... – бормотала принцесса. – В своем старом, холодном замке на краю Невериона я грежу о благородстве, величии, истине. Мне снится, что своими скудными средствами я помогаю великому человеку в его благородном деле. Его человеколюбивые устремления вновь вселяют цель и страсть в эти древние камни. Я буду любить и почитать его за преданность истине, он будет любить и лелеять меня за преданность ему. О, мои грезы... Хорошо бы выйти из них живой, но и в противном случае жаловаться не стану. Если же, помимо жизни, приобрету еще что-то, буду полагать себя счастливейшей из женщин. Я достаточно стара, чтобы знать, что у снов есть начало, наивысший миг и конец – все, что делает истории странствующей сказительницы не слишком жизненными, но зато интересными. Я начала этот сон с твердым намерением досмотреть его до конца хотя бы ради того, чтобы увидеть, с чем он меня оставит. Порой я думаю, что жизнь следует подвергать сомнению и вопрошать – как сны, как сказки, как планы, как обманы, если угодно, – но не следует слишком круто менять ее на середине пути, иначе ты рискуешь так и не разгадать ее тайн. Если вы, мой великий Освободитель и мой одноглазенький, должны уйти из моего сна, чтобы смотреть свои – уходите. Я уж как-нибудь выдержу, оставшись одна при своем.

Солдаты за косою балкой гремели оружием и смеялись. Среди них расхаживал офицер со стопкой пергаментов, дружески беседуя с одними, приказывая что-то другим.

Горжик поднял свою кустистую бровь, а Нойед, обняв колени, спросил:

– Как вы научились видеть столь мудрые сны, госпожа моя?

Принцесса молчала, уставившись в кубок.

Офицер подошел к ним и бросил на стол пергаменты.

– Взгляни на это, Освободитель, если не раздумал еще уходить.

– На краю Невериона, – забормотала принцесса, – ты строишь планы идти куда-то еще, но куда?

– Чем дальше от столицы, тем сподручнее воевать – не вы ли так говорили, моя принцесса? – сказал Нойед. – Да, мы планируем идти дальше, мечтаем об этом...

Горжик проглядывал пергаменты один за другим.

– Что ж, все хорошо. К нам подошли подкрепления и с востока, и с запада, императорские же войска здешние места еще плохо знают. Когда мы начинали, я не думал, что у нас что-то выйдет, но пока мы успешно сдерживаем ополчение, набранное местными пивоварами и невеликой знатью. У них нет хорошо обученных воинов кроме тех, что сумела прислать им малютка-императрица. Многие ли из них способны читать карту, не говоря уж о том, чтобы ее составить?

– Освободитель... – произнес офицер. – Часовой сказал, что задержал очередного контрабандиста, норовившего проехать через земли принцессы.

– Контрабандист? – Принцесса отставила кубок. – Что ему делать на моих землях? Я их сюда не пускаю...

– Может, это шпион, хозяин, – сказал Нойед. – Теперь их будут к нам засылать все чаще и чаще.

– Мы имели с ними достаточно дела, чтобы знать, как себя уберечь. Приведи-ка этого человека сюда, чтобы мы могли допросить его и подвергнуть сомнению. Но прежде, – проревел Горжик, поднявшись из-за стола, – я приказываю очистить чертог!

Солдаты, привычные, видно, к таким приказам, пришли в движение.

– Вас, принцесса, я тоже попрошу удалиться.

– Почему это? – недовольно спросила она.

– Если это шпион, ему не нужно знать, кто я.

Принцесса встала, захватив кубок.

– Не понимаю, к чему такая секретность. Мои отец с дядей вели свои кампании совсем по-другому.

– Я человек публичный, принцесса, а это значит, что люди наделяют меня определенными чертами и приметами. Нашему незваному гостю я предпочитаю показаться нагим, безоружным и неприкрашенным.

– Но...

– Солдат у нас так мало, что они вполне могут затеряться в покоях и коридорах вашего замка, но наш контрабандист уйдет отсюда, полагая, что у меня вовсе никого нет. Разве что часовой, который его схватил. Допустим, потом ему встретится человек, сражавшийся против нас; тот будет говорить, что у меня много людей, а контрабандист – что нет. В пылу спора один увеличит число моих солдат вдвое, втрое и вчетверо, а другой, даже и про часового забыв, начнет говорить, что я веду войну в одиночку. Я, принцесса, взял за правило никогда не присутствовать в тех местах, которые мне приписывает молва, и уж давно не собирать там все свои силы. Эту стратегию я усвоил много лет назад, служа барону Альдемиру на юге. Чтобы сбить врага с толку, надо напустить побольше тумана.

– Но все-таки кое-где ты присутствуешь, – заметил Нойед.

– Что делать, времена нынче трудные, – хмыкнул Горжик. – Прошу вас уйти, принцесса, а вы, – он повысил голос, – пошли вон немедленно! Ты, Нойед, останься.

– Да, хозяин.

С крыши капало. Контрабандист сгорбился, прижимая к груди мешок.

– Заходи давай! – Солдат пихнул его в спину. Он ухватился за стену – та крошилась под пальцами, словно высохший ил, – откинул занавеску и очутился в комнате, пересеченной косою балкой от пола до потолка.

Один человек сидел за столом у горящего очага, другой пристроился прямо на столе среди кружек, кубков и пергаментов.

Поняв, что его ведут к Освободителю, контрабандист подумал и почувствовал примерно то же самое, что при встречах на поляне и на мосту в Колхари. К любопытству, радости и предвкушению примешивались страх, недоверие и гнев на то, что его предали.

Теперь, памятуя о двух прежних встречах, он ни слова не произнес, думал и чувствовал нечто новое.

«Отныне ты войдешь в число тех, кто говорит, что их двое», – сказал он себе. Один большой, со шрамом через всю щеку, другой маленький, одноглазый, в рабском ошейнике. Хотя совсем недавно держался другого мнения.

Да и так ли это? Он прищурился, чувствуя себя далеко не таким растерянным, как в те два раза. Хорошо ли ты рассмотрел их при этом неверном свете или приписываешь двум

этим людям напраслину, как школяр, украшающий своими каракулями стенку на Шпоре? Будь осторожен. Удостоверься. Ты знаешь больше многих других, но не позволяй своим познаниям тебя одурачить.

Большой встал и обошел вокруг стола – совершенно голый, не считая кожаной сетки на причинных местах. Волосы над ухом были заплетены в косу, перевязанную шнурком.

Маленький остался на месте, упершись острым подбородком в колени.

Контрабандист все так же шурился, пытаясь разглядеть их при свете пляшущего огня, но огонь и пристальное внимание только мешали ему.

У великана и впрямь шрам на щеке... а может, и нет...

У маленького один глаз моргает, а другой то ли отсутствует, то ли завязан, то ли это тень так падает...

– Ты – это он? – выговорил контрабандист.

– Кто, Освободитель? – засмеялся большой. – А сам ты как думаешь? Что ты видишь вокруг?

Контрабандист, водя глазами по сторонам, вскинул мешок чуть повыше.

– Где сотни его солдат? Где дюжины вестовых и писцов? Где шпионы? Где все его войско, с которым он освободил тысячи рабов, заставив трепетать самую малютку-императрицу с ее министрами? Признайся, что ты видишь всего лишь трех человек в пустом замке.

– Или только двух? – спросил маленький с резким смешком. Большой говорил как колхарец, этот совсем иначе. – Ты не видишь никого. Ни единой души. – Ошейник на нем точно был. – Это лишь иллюзия – так безымянные боги принимают порой человеческий облик. И замка, где ты будто бы стоишь, тоже нет. Это прихотливый ночной туман в какой-то миг принял форму человека, которого кое-кто называет Освободителем, и замка, и часового, который якобы привел тебя в этот замок. И я, говорящий эти слова, тоже тебе примерещился. Тебе лишь кажется, что перед тобой Освободитель – это морок, туман, колдовство осенних ночей...

Большой поднял руку, и маленький тут же умолк.

– О чем ты хочешь спросить меня? Хочешь знать, кто я? Где ты находишься? Что с тобой будет дальше? Говори же. Мы, создания осенних ночей, не такие уж страшные.

Контрабандист, набрав воздуха, перехватил мешок одной рукой, а другой указал на стол.

– Эти... эти кожи. – Только они и казались вещественными в этом чертоге. – На них пишут, не так ли?

Большой кивнул. Так шрам это или тень?

– Ты умеешь читать?

– Умеет, умеет, – хихикнул маленький. – Не то что я. Верно?

– Нет, – замотал головой контрабандист.

– Совсем не умеешь? – Большой подступил ближе, сощурился зеленые глаза. – Бьюсь об заклад, ты можешь разбирать знаки, изображающие женские детородные части, мужское семя и кухонную утварь, что испокон веку выцарапывают на городских стенах – я слышу по твоему говору, что ты долго жил в Колхари.

– Да, – соврал контрабандист. – Их я знаю. – На миг он перенесся в тот жаркий полдень, когда его друг писал эти знаки палочкой в грязи на берегу Кхоры, пытаясь хоть чему-то его научить.

– Он, как и все в этой стране, понемногу учится читать и писать, – бросил через плечо большой. – И тебе бы не худо, Нойед.

Значит, маленького зовут Нойедом! Тогда большой... Нет, не будем спешить.

– Для чего они тебе, эти знаки?

– Чтобы запоминать, что у меня есть, что мне нужно, что я сделал, что должен сделать, где я был и где еще не бывал, что видел и что еще должен увидеть. Память часто шутит с тобой шутки: подумал о чем-то другом – и забыл.

– Да уж, знаю!

– А как запишешь нужное, можешь думать о чем угодно. Не надо ничего вспоминать, когда все уже записано на пергаменте. Еще любопытнее, когда пишешь сразу словами, но сам я пользуюсь старым торговым письмом, возникшим еще до того, как с Ульвен пришло нынешнее. И отец мой им пользовался, работая в гавани.

«Значит, ты из Колхари», – подумал контрабандист. И про отца ему что-то такое помнилось...

– Но почему ты об этом спрашиваешь? – нахмурился великан. – Раз ты умеешь разбирать лишь то, что на стенах пишут, какая тебе разница, какой грамотой я владею? Скажи лучше: что такой, как ты, думает о новом письме?

– Ненавижу его! – выпалил, не иначе со страху, контрабандист. – Школяры только и знают, что на стенках калякать. Я сначала думал, что это они друг другу послания оставляют, чтоб мы, остальные, не могли разобрать. Оставляют у всех на виду и думают, что они умней нас. Ненавижу школяров и их письма! – Как его звали, того парнишку, которого он подвез? Многие думают о школярах то же самое, но ему-то зачем выкладывать, что думает он? Однако он уже начал и остановиться не мог. – Ни за что на свете в школяры не пошел бы. Я рад, что могу назвать себя...

– Честным тружеником? – подмигнул Горжик. – А может, контрабандистом? Мой человек задержал тебя, когда ты пытался проехать по землям принцессы – спасаясь от таможенников Сарнесса, разумеется. Я хорошо их знаю, и мне они тоже не друзья. Жаль, что ты не признаешься, могли бы потолковать по-товарищески. В молодежи, будь ты карманник или гончарный подмастерье, я прежде всего ищу честность, но редко, увы, нахожу. Что ж поделаешь, если ты таков, как большинство неверионцев.

Чертог показался контрабандисту очень высоким, когда он вошел, но этот человек доставал головой до самых стропил.

– Ты раб своего времени, подобно многим другим, и упрекать тебя за это нельзя. Как и за то, что ты всячески пытаешься в эти времена выжить. Что это у тебя? – Он протянул руку. – Дай посмотрю.

Контрабандист отступил, прижимая к себе мешок.

Горжик фыркнул – да-да.

– Полно тебе, покажи. Куда ты везешь свою контрабанду, на север или на юг? – Горжик подошел, загородив собой свет, и схватил мешок.

– На юг! Из Колхари в Гарт. Свет еще не видал такого никчемного недотепы, как я, да ты и сам это видишь. Освобождение рабов стоит недешево, понимаю... Ладно, бери.

Когда великан с мешком в руке повернулся к огню, шрам у него на щеке стал хорошо виден. Его толстые губы сжались.

– По-твоему, я хочу тебя обокрасть? – Он развязал мешок с прорехой, зашитой недавно крепкой лозой, запустил туда руку и достал маленький черный мячик. Нахмурился, пошарил внутри, достал целую пригоршню. – Ты это везешь на юг?

Один мячик укатился. Нойед, спрыгнув со стола, подобрал его и вернул в мешок, великан протянул мешок контрабандисту.

– Забирай и уходи. Прочь, я сказал.

Контрабандист стал неуклюже завязывать горловину.

– Я бедный, неудачливый... – Маленький человечек стоял рядом с большим, как его короткая тень. Одного глаза у него точно не было – на его месте зияла впадина, словно ему таким вот мячом в лицо залепили.

– Хозяин? – прошептал он.

– Убирайся, пока я не передумал! – гаркнул большой.

Контрабандист сглотнул, прошел под косым стропилом, откинул занавесь. Солдата, который его привел, больше не было. Он зашпешил по коридору, освещенному факелами, стараясь вспомнить дословно разговор с Освободителем и его одноглазым помощником – или маленький Нойед и есть Освободитель, а большой ему помогает?

А шрам?

А нехватка глаза?

Итак, он их видел, верно? Если это, конечно, не игра пламени и не остатки ужаса, испытанного в тумане – который и теперь струился рядом, словно сами здешние стены не из камня строились, а из пара. Можно ли доверять своей памяти? Или чему бы то ни было? Зачем он солгал о том, куда едет, зачем сказал, что немного умеет читать? Маленький говорил большому «хозяин». Сказал ли он хоть одно правдивое слово, во имя безымянных богов? Может, то, что он видел – только обман, порожденный его желаниями, розысками, надеждами?

Освободитель не разбойник, не душегуб.

И один из них носит ошейник.

Но это он и так знал, еще с той ночи на мосту в Колхари.

Встреча с ними обоими не рассеяла тумана предположений, в котором он начинал свое путешествие – ну, разве чуть-чуть прояснила. Выхода из тьмы на свет, которого он мог ожидать от подобной встречи, не случилось. Он так и остался при запутанных, пугающих, сомнительных утверждениях, сходящих по воле безымянных богов за правду.

То останавливаясь, то ускоряя шаг, благодарно прижимая к себе мешок, он вышел из замка в туман, где стояла его повозка.

Принцесса, придерживаясь за стену и напевая что-то под нос, шла им навстречу по коридору.

Оба полагали, что она их даже и не заметит.

– Итак, хозяин, мой план...

– Твой сон, обезьянка? – Принцесса остановилась, по-прежнему не глядя на них – и хорошо: при дрожащем свете факела великан со шрамом и одноглазый коротышка казались сущими демонами.

– Мой план себя оправдал! Нам удалось увести твоё войско в ту часть страны, где рабство еще в силе и нужна большая сила, чтобы его побороть. Мы с тобой, хозяин, – и вы тоже, – Нойед, показывая, что не забыл о принцессе, взял ее за руку, еще тоньше, чем его собственная, – мы произвели настоящий переворот!

Горжик кивнул, принцесса осталась безучастной.

– Не знаю, входило ли это в мои мечты... – сказал Горжик.

– В твои планы, – поправила его принцесса, как мать ребенка, неправильно выговаривающего слова.

– Мы с тобой, Нойед, видели рабство глазами рабов и свободных людей. Вы, моя принцесса – глазами дочери рабовладельца. Мы, и втроем и по отдельности, спорили о нем тысячу ночей при свете огня до зари. Все мы знаем, что рабство могут побороть новые способы обработки земли и возделывания ямса. Чеканка монеты тоже полезна. Неплохо также, чтобы погода пятьдесят лет подряд стояла теплая, но не засушливая. Тогда наемный труд станет выгодней рабского. Но рабство, вопреки всем этим выкладкам, все еще существует где-то. Где именно? Как бороться с тем, что даже найти нельзя?

Принцесса посмотрела на два лица, где свет соперничал с тенью – одно выше, другое ниже ее.

– Чтобы вывести страну из рабства к свободе, нужны прозорливость, решимость и преданность делу, – провозгласила она четко и вполне трезво, будто хорошо знала, о чем говорит. – Люди, привыкшие к одной жизни, не перейдут так просто к другой из-за одной лишь

хорошей погоды, Освободитель. Ты посвятил себя самой благородной на свете цели: служению своей стране и своему времени.

– Мы говорим, что человек – раб своего времени, но это может быть такой же сказкой, как и то, что человек – хозяин его. Хуже чем сказкой – ложью. Меня, каким бы ни было время, привела сюда, возможно, одна лишь мечта. Как и императорские войска: в Колхари они не желают биться со мной, это верно, но министры упорно шлют их сюда, мечтая победить меня на границе.

– Мы *должны* дать им бой, хозяин! – Нойед отпустил руку принцессы. – Должны победить. Потом мы пойдем дальше, за пределы Невериона. Ты же не думаешь, что зло, с которым мы боремся, ограничено плохо очерченными границами этой страны? Мы воюем с дурным сном угнетения и лжи, пробуждая людей для свободы и правды!

– Да-да, – сказала принцесса. – Это и моя мечта тоже, я ее узнаю. И когда она обещает вот-вот сбыться, ты, обезьянка, уже мечтаешь покинуть меня!

– Нет, госпожа моя!

– И меня, и Неверион. Тебя манит хаос, невообразимый для просвещенного человека. Не спорь. Если это должно войти и в мою мечту, пусть войдет.

– Я не это хотел сказать, гопожа...

Но она уже уходила, мурлыча что-то под нос.

11

Двое мужчин поднялись на крышу как раз в тот миг, когда луна прорвала туман, посе-ребрив крепостные зубцы.

Замок плыл в тумане, как по морю, лишь кое-где проглядывали верхушки деревьев.

– Я вижу сон... – прошептал Горжик. Нойед присел у его ног.

– Что же тебе снится, хозяин?

– Если бы знать. Когда я был в рудниках – когда мы оба там были, – я, попользовавшись тобой, уснул на моей соломе, и мне приснилась свобода. Мне снилось, как я стремлюсь к ней, как ее завоевываю, как дарю свободу всем рудничным рабам – даже тебе, Нойед. Теперь я вижу, что этот сон недалеко ушел от принцессиных, хотя был куда более жарким. А ты уже и тогда не покидал моих снов. Другие рабы не знали о них. Я не мог им ничего рассказать, даже думать не мог о том, что мне снится – у меня и слов таких не было. Мог только грезить. Неожиданно получив свободу, я стал способен бороться за свободу других, но теперь меня преследовали другие, темные сны. Мне снилось, как мы всемером – рабы, стражники и я, раб-десятник – надругались над беспомощным больным мальчиком. Ты говоришь, что не помнишь этого, и поэтому я все еще не могу рассказать тебе мои сны.

– И теперь мы мучим друг друга лишь для того, чтобы я вспомнил забытое? Вспомнил то, что ты называешь правдой и во что я не верю, потому что помню, как был с тобой в рудниках?

Горжик прислонился к парапету спиной.

– Ты ведь не из тех, кто легко прощает, Нойед.

– Да, хозяин, я человек мстительный.

– И не получил тайного удовольствия от насилия, учиненного над тобой.

– Это было мучительно и ужасно, хозяин. Поверь мне.

– Отчего же ты, дуралей, любишь и поддерживаешь того, кто открыто признаётся, что был в числе насильников – кто, больше того, ночь за ночью повторяет это насилие то под видом хозяина, то под видом раба?

– Я не могу побороть все зло в этом мире, хозяин, и потому борюсь лишь с тем, что знаю и помню. То, что случилось той ночью в рабском бараке, давно быльем поросло. Никто не подглядывал за нами и не записывал имена. Остались только сны и воспоминания, твои и

мои. То, что тебе это снится, значит лишь, что ты человек. Но ты ведешь себя глупо, хозяин, становясь рабом этих снов. О насилии я помню, хозяин, – проронил Нойед устало, будто уже не раз повторял это в ответ на то, что не раз слышал. – Мог ли я забыть? Но это было давно, и я не помню, чтобы меня насильовал ты. Я и других, если на то пошло, вряд ли узнал бы, если бы снова встретил; время стерло их лица из памяти, как ты стираешь с пергамента неверно написанный знак. Ночь была темная, я был болен. Может, ты другим мальчишкой когда-то попользовался и спутал его с Нойедом? Или спутал с чем-то другим драку, в которой получил шрам. Ты ведь не скрываешь, что не однажды юнцов насильовал. Сам я помню лишь твою доброту ко мне, раз за разом. Может, тот десятник со шрамом по имени Горжик, то и дело спасавший мне жизнь, был не ты, а кто-то другой. Я твоих воспоминаний не оспариваю, хозяин, – не оспаривай и ты моих. – Нойед отвел от Горжика свой единственный глаз. – Я не простил твоей жестокости, хозяин, – я ее позабыл. И тебе это кажется жестоким.

– А что, если ты когда-нибудь вспомнишь это, Нойед? Что, если это всплывет в твоей памяти, как позабытое название улицы, на которой ты некогда жил, – всплывет и разбудит тебя среди ночи? Что, если вот в такую же лунную ночь, увидев мое потное лицо над собой, ты вспомнишь тот давний шрам...

– Я лежал тогда на животе и ничего не видал.

– Но если вдруг...

– Такая уж у нас с тобой игра. Если вспомню, то либо прошу тебя, либо убью. Занятная игра. Но что мы можем поделать, пока я не вспомню? Моя забывчивость тебя терзает, не так ли?

– Так, Нойед.

– Значит, эта забывчивость и есть мое мщение. Ты же знаешь, я никого не прощаю, даже любимых. Будь мне свойственно прощать, я солгал бы, сказал, что все помню, но прощаю тебя. – Нойед раскрыл свой ошейник и положил на камень. – То, что мы вместе делаем – это явь. Если ты сооружаешь из этой яви свои страшные сны, и вспоминаешь их, и рассказываешь о них – это твое и лишь твое дело. Я слушаю тебя, но простить не могу, потому что не умею судить. – Нойед помолчал и сказал: – На юг, значит?

А Горжик засмеялся, радуясь, что он заговорил о другом.

– Он врал, хозяин, но ты его вывел на чистую воду. И отпустил, но теперь этот контрабандист много о тебе знает.

– На юг такое не возят. – Горжик, кряхтя, присел на корточки рядом с Нойедом. – Он, конечно, возвращается в Колхари, но этой братии ни в чем нельзя верить. Не удивлюсь, если он ни одного правдивого слова нам не сказал – ему что правда, что ложь, все едино.

– Но ты-то правду от лжи всегда отличишь, хозяин. В этом твоя сила.

– Какая там сила, Нойед. Над такими, как он, я не властен – потому и прогнал его. Будь это кто почестнее, я предложил бы ему примкнуть к нам, но для него наша борьба ничего не значит.

– Однако число тех, для кого она значит все больше и больше, растет. Когда я в последний раз был в Колхари по твоему поручению, я встретил одного парня на Мосту Утраченных Желаний – да, именно там! И он тут же произнес твое имя – я не называл его, он первый сказал. Он думал даже, что я – это ты, вообрази только! Ты его герой, он старается узнать о тебе все, что можно. Считает тебя самым великим человеком в Неверионе, выше императрицы ставит! Он не то что наш недавний знакомец: это смысленный юноша, не иначе школяр. Бьюсь об заклад, что таких много и в Колхари, и в Сарнесе, да и во всей стране. Ты не знаешь о них потому лишь, что в нашей туманной империи развелось слишком много самозванцев, притворяющихся тобой, подражающих твоей страсти, ведущих людей к ложной цели. Но когда люди слышат правду о твоих деяниях, они презревают...

– Правду ли? – махнул рукой Горжик. – Ты говоришь это лишь для того, чтобы утешить меня. Да, я верю, что в Колхари ты встретил такого парня – может, и не одного. Один сказал тебе то, другой это, третий, которого ты и в глаза не видал, добавил полную несурязицу. Из всего этого ты и сложил свою сказочку, но если б я поверил в *нее*, то был бы несчастнейшим из... Поддаться выдумкам очень легко, Нойед, я сам такие истории сочинял. На юг он едет!

Они смотрели друг на друга и усмехались. Разомкнутый ошейник лежал между ними. Туман опять затянул луну.

– Ты, хозяин, хорошо знаешь таких, как он.

– Знаю как самого себя, потому что сам таким был – только случай помог навсегда таким не остаться.

– Ты говоришь это о каждом воре и разбойнике, о каждой шлюхе, которые нам попадают. И о каждом купце тоже, и о принцессе, и о министре – а потом заявляешь, что это источник всякой подлинной силы!

Горжик только засмеялся в ответ.

– Ты гредишь о власти, хозяин! Из чего ты сооружаешь такие сны? Где ты им научился? Нельзя нам здесь оставаться, уходить надо. Мы должны оставить принцессу, оставить Неверион, унести твои мечты, твоё знание, твою силу за пределы этой скованной страны и наконец исправить царящее в мире зло!

Пока туман заволакивал луну, они так и сидели на крыше, мечтали каждый о своем и смеялись.

Нью-Йорк Январь 1984

Повесть о лицедее

Граница и ее переход взаимосвязаны, какими бы интенсивными они ни были: не бывает абсолютно непреодолимых границ, а переход не имеет смысла, если граница состоит из иллюзий и теней. Но может ли у границы быть своя жизнь вне зависимости от акта, нарушающего и отрицающего ее? И, соответственно, не истощается ли существование трансгрессии пересечением границы?.. Отсюда следует, что граница и переход соотносятся не как черное с белым, запретное с легальным, открытое пространство с замкнутым. Их соотношение имеет скорее форму спирали, разрушить которую не так просто. Трансгрессию можно сравнить с молнией, от начала времен придающей плотность и густоту отрицаемой ею ночи, освещающей ночь изнутри сверху донизу и в то же время обязанной ночи своей яркостью, своей раздирающей, уравновешенной уникальностью...

Мишель Фуко О трансгрессии

1

Ну, вот и отыграли. Заходи же. Сам я, сдаётся, играл блестяще. Осторожно, мой юный друг, переступи через это. Не такой уж и юный теперь, говоришь ты? В моих глазах тебе все еще двадцать лет и всегда будет двадцать. Сюда, сюда. В тесноте, да не в обиде. Душно тут? Сейчас люк на крыше открою, будет нам и воздух, и свет.

Присядь-ка на эту полку, застланную красивой тканью, под крылом чудища – да, того самого, которое убивает героя. Это случается в самом начале спектакля, поэтому его закидывают сюда, пока барон и крестьяне во второй сцене поют эту кошмарную песню о непокорном море, а публика – и лицедеи тоже – ощущают невиданный прилив благородства. Шум, который мы производим, таща чудище сюда, легко сходит за гул прибоя.

А взгляни-ка на этот меч. Тут-то видно, что он деревянный, но когда героиня выхватывает его из ножен героя, чтобы вонзить себе в сердце, даже взрослые мужчины – я сам видел – кричат: «Нет! Не надо!», а олух этот отбирает у нее меч, и целует ее в грудь, и умоляет простить его за измену.

И тут все рыночные девчонки, стоящие в первом ряду, начинают рыдать.

Хотя нет, сегодня вот не рыдали. В Колхари публика искушенная, этим ее не проймешь – на провинциальных рынках дело иное. Здесь скорее оценят мое...

Нет! Не нужна мне ни похвала твоя, ни хула. Ты оставил своих учеников и пришел из самого Саллезе, чтобы посмотреть наше первое представление – может ли быть похвала выше этой?

А теперь придвинься поближе: не хочу, чтобы нас слышали те, кто копошится снаружи. Мы-то с тобой друзья давние. Я знаю, ты был рожден принцем, но отказался от своего титула задолго до того, как основал свою школу, желая, чтобы к тебе относились как к простому горожанину. И стал поистине необычным в глазах всех, кто знает тебя.

Однако в прошлом сезоне к нам, когда мы представляли на юге, примкнул один престранный человек. Не знаю уж, что в нем нашел наш хозяин: он старше меня и раньше никогда не играл на сцене. Сразу же пошли слухи, что старик этот – знатный южный вельможа, впавший в немилость у министров малютки-императрицы, гордой и разумной владычицы нашей. Он скакал на подмостках, весь в перьях, и бил в барабан, как и все мы, но это еще не самое

забавное. Весьма скоро он нас покинул, и я сожалел об этом; как комик он порой затмевал меня, но вне сцены был мне приятен.

Так вот: маленькая флейтистка, что нынче открывала представление и правит лошадьми, когда мы в дороге, тут же заявила, что тоже происходит из знатного рода. А молодой комик, играющий слуг, сказал в подпитии, что у него самого титула нет, но воспитывался он вместе с одним северным графом и обучен хорошим манерам – не хочет ли хозяин распустить слух, что в труппе есть и другие аристократы? И хозяин, во всем остальном здравомыслящий человек, согласился на это! Дальше – больше. Не прошло и месяца, как наш конюх сделался герцогом, а три пышнотелых молодки, играющие ведьм в утренних спектаклях и похищенных дев в вечерних, – фрейлинами разных титулованных дам. Даже героиня оказалась дальней родственницей малютки-императрицы, то ли герцогиней, то ли графиней. Титулы открывались, как язвы на теле чумного. В довершение всего я, лежа как-то на той самой койке, где ты сидишь, среди дребезжащих зверей, птиц, мечей и доспехов, вспомнил о тебе, друг мой, и о твоём титуле.

Вспомнил и подумал: раз он все равно им не пользуется, будет ли он против, если я присвою его титул себе, хотя бы на время?

Очень рад, что тебя это забавляет!

Говоришь, что можно? Ты просто делаешь поблажку старому лицедею – если б до тебя дошло, что я им пользуюсь, ты бы, наверно, не был столь снисходительным. Но я пришел в себя еще до следующего спектакля. Если мой друг не захотел быть принцем, сказал я себе, подводя глаза синей краской и золотя губы, с чего же мне называться им? Пусть те, кто и в господской усадьбе никогда не бывал, воображают себя невесть кем, а я имею честь быть другом настоящего неверионского принца! Я обедал с тобою в твоих садах, представлял перед твоей семьей и друзьями, а ты приходил ко мне – и мы, взаимно восхищаясь друг другом, усмехались как два несмышленища. Больше того: ты говорил обо мне юношам и девицам, которых отдали тебе в обучение богатейшие купцы Колхари. Ты всегда был так добр ко мне! Слезы на глаза наворачиваются, как подумаю. Не надо мне от тебя ничего, кроме дружбы.

Не поддамся общему безумию с титулами, сказал я себе тогда.

А ты скажи, что я был нынче великолепен! Хотя нет, постой.

Твое доброе мнение для меня очень ценно, и хвалу я люблю не меньше кого другого. Но я ведь не даю тебе советов, как учить молодежь – не советуй и ты мне, как заставлять публику плакать или смеяться. Я тебя знаю, ты горазд поучать.

Видел я, видел: ты лишь улыбнулся слегка в конце третьей сцены, когда все кругом со смеху покатывались. Мы-то с тобой понимаем, что шутка эта невысокого пошиба и даже улыбки едва достойна; это моя уступка хозяину, который думает, что для зрителей простого звания такие как раз и нужны. Слышал я также, как ты хохочешь во время той сцены с кубком, когда отец героини просит налить вина. Половина публики совсем ничего не заметила, другая половина разве что усмехнулась, но тебе я скажу, что отрабатывал этот жест месяцами! Узнал ли ты восточного графа, у которого я его перенял? Впрочем, нет. Не нужно связывать мое искусство с кем-то другим. Оценить этот жест вкупе с оторопелым видом, который грим лишь усиливает, значит оценить самую суть моей игры.

Ты ее оценил, я слышал.

И рукоплескал как и все остальные, по крайней мере в конце.

Другой критики мне не надо. Если бы я теперь, когда мы одни, выпрашивал у тебя новых рукоплесканий, нас обоих это бы только унизило.

Ну, а публике вроде бы понравилось все целиком.

Ты о том лысеющем пузane, что стоял чуть в стороне, хохоча и хлопая всему, что я делаю? Заметил, значит, его.

Говоришь, я предпочитаю такую критику?

О, ты несправедлив к стареющему актеру. Дело в том, что он тоже мой друг. Ходит на все мои столичные представления и от души, безо всякой критики, восторгается нами. Пару раз, когда к нам приходило новое пополнение, и репетировали мы мало, и публика, чувствуя это, почти не смеялась, он хлопал так же громко, как и всегда, сердито глядя на других зрителей, – но замечал это я один. Он, сдается мне, идеальный зритель, и других нам не надо. Я знаю его почти столько же, сколько тебя – лет пятнадцать уже? Или двадцать? Думаю, что двадцать, а то и больше!

Мне делает честь твоя дружба, а ему, кажется, делает честь моя. Его рукоплескания меня не меньше от этого радуют, но ты поймешь, если я скажу: он восторгается не потому, что высоко ценит нашу игру, а потому, что он мой поклонник. И не отрицает этого, что, в свою очередь, делает честь ему. Знакомство с одним из актеров побуждает его каждый раз отбивать ладоши. В каком-то смысле он рукоплещет себе самому за то, что знает меня, или, говоря великодушнее, нашей дружбе – былой дружбе, если быть честным. В те дни, когда нам хлопает он один, мне особенно приятно припоминать, что он, при всей своей очаровательной наивности, далеко не глуп для человека своего круга. Ты сам не раз говорил, что грех не в невежестве, а в глупости. Когда мы с ним познакомились, он, как и ты, был юношей, почти мальчиком. Как мы встретились, спросишь ты?

Он родился в деревне западнее Колхари, а лет в семнадцать-восемнадцать убежал в город. Я встретил его там, где обычно встречаются таких юнцов: на Мосту Утраченных Желаний близ Старого Рынка.

Многие мальчики – и девочки тоже – попадают туда в еще более юном возрасте.

Почему он так долго медлил? Не знаю, хорошо ли ты его рассмотрел, но лицо у него рябое. В Колхари он пришел, когда его язвы или оспины уже зажили, а раньше на него, полагаю, было страшно смотреть.

Был ли он красив в молодости? Нет. Он и тогда был плотен и грацией не блистал. В городе он налетел на пиво, как мухи на мед – я пользуюсь этой расхожей фразой, поскольку и в его истории ничего нового нет. На первых порах я подозревал, что он сопьется, подобно многим другим. Не говоря уж о разных незаконных делах, куда юноша в наши переменчивые времена может впутаться и сложить свою голову. Позже, когда он начал отлучаться из города, я так и ждал, что вскорости увижу на нем рубцы от кнута императорского пристава или услышу о паре лет каторги. А нет, так узнаю, что в одну из холодных дождливых ночей он умер где-нибудь под забором.

Но ничего такого не случилось, как видишь.

Отчасти, быть может, благодаря мне – хотя нам не следует льстить себе мыслью, что мы кому-нибудь помогли. Будем лучше признательны тем, кто помог нам самим.

Скажу лучше, что он доставил мне немало радости в свое время. Он был и остался добродушнейшим из людей – если о ком-то и отзывается дурно, то лишь о себе.

Благодаря его доброте я и по сей день говорю, что мы с ним друзья, хотя бы в память о былой дружбе.

Чем он занимается?

По твоим расспросам я вижу, что ты и сам не прочь познакомиться с ним, а потому скажу тебе самую малость: он сам доскажет остальное, если захочет.

Определенных занятий у него нет.

Живет он как может, то в Колхари, то где-то еще, работает недолго то там, то сям.

А, так ты не хочешь заводить с ним знакомство?

В таком случае он контрабандист. Давненько уже.

Да, такой уж у меня друг. Правда, когда он ушел с моста и стал промышлять то тем, то другим, мы с ним обменивались лишь кивками да парой слов – всегда доброжелательно,

впрочем. И он тогда уже постоянно ходил на мои спектакли. Всегда стоял чуть в сторонке, а хлопал и кричал громче всех. В этом он ничуть не отличается от себя нынешнего.

Он тоже, думаю, делает это в память о былом, если не по привычке. Раз в год – последнее время скорее в полтора года, а то и два – он после спектакля подходит ко мне. Случается это так редко, что я всегда приглашаю его к себе. Он сидит там же, где ты теперь, свесив свои ручищи между колен. Мы разговариваем. Он улыбается. Я рассказываю ему что-то о своей жизни, он мне о своей.

Двадцать лет прошло, я сказал?

Значит, мы с тысячу раз кивали и махали друг другу при встрече (он, при его ремесле, бывает в городе не чаще меня), но говорили не больше десяти раз.

В первые годы, когда я еще думал о нем как о юноше, он порой приходил ко мне с девушкой, а то и с двумя. Знакомил меня с ними, гордясь, что у него такой знаменитый друг. Я находил это забавным, а он из вежливости долго не задерживался, так что никому вреда не было.

Лет пять... нет, скорей семь назад он, сидя на твоём месте, рассказал, что живет с вдовой где-то под Колхари и что у них с ней двое детей. Лишь тогда я понял, что давно уже не видел его.

После этого я пару раз замечал его в публице – однажды с молоденькой курчавой варваркой, крапчатой, как перепелиное яичко. Уверен, что это не та вдова, а какая-нибудь шлюшка с моста.

Ко мне они не подходили, что меня, признаться, только порадовало.

Как-то раз мы с ним пошли в гавань, где он, как ни странно, поставил мне кружку сидра, а сам выдул целый жбан пива и поведал, что нажил состояние на рассказах об Освободителе – ну, знаешь, об этом главаре, про которого столько толковали лет десять назад, когда твой дядюшка разгромил его ставку? Мой приятель знает обо всех его битвах и стычках, знает все истории и сплетни, что ходят о нем. Собирал все это годами и держал в памяти – кто бы подумал, на него глядя, – но с Освободителем, по его словам, встречался всего лишь раз. Узнав это, я убедился в том, что с самого начала смутно подозревал: есть в нем нечто особенное, хотя эта особенность не принесла бы ему успеха на рынках нашего общества, будь они старыми или новыми. То, что интересно в юноше, не вызывает интереса в мужчине. Но мой особенный мальчик вырос в особенного мужчину: редкий твой ученик представил бы столь подробный и красочный отчет о столь, казалось бы, бесполезном предмете.

Ставку Освободителя взяли пятнадцать лет назад, говоришь? Ну, тебе лучше знать, это ведь по соседству с тобой.

Когда он приходил в последний раз, я спросил его о семье, и он сказал, что уже год не видел ни вдову, ни детей.

Тогда-то я и понял, что больше не думаю о нем как о юноше. Славный плотненький парень с годами попросту разжирел. Признайся, что я сохранился гораздо лучше его, будучи на двадцать лет его старше. Притом он лысеет, а мои волосы лишь слегка поредели. Да, он теперь совсем взрослый и столь же близок к средним годам, как я, что уж там скрывать, к старости.

Нет, не думаю, что сейчас он преуспевает так же, как прежде. Мне больно говорить так о том, кого я так долго считал ребенком, но его упадок – одно из тех маленьких потрясений, посредством коих безымянные боги напоминают нам о смерти.

Спасибо им, что я еще представляю, кое-как пою, кое-как пляшу и могу сыграть старика так, чтобы рассмешить публику.

Да, можно сказать и так. Наша с ним дружба и правда прошла тот же путь, что и наша с тобой. И все-таки, несмотря на все твои затруднения – не говоря уже о моих, – вы оба спустя двадцать лет пришли на наше первое представление здесь после успешных гастролей в провинции.

Так я в своей себялюбивой манере хочу выразить, что глубоко, хоть и по-разному, ценю вас обоих и знаю, что вы меня тоже цените.

Да, меня тоже удивляет, что вы с ним не встретились раньше, но ведь жизнь у вас совсем разная. Ты у нас принц, учитель, философ, а он простой вор.

Стало быть, и удивляться тут нечему.

Рассказать тебе о нем побольше? Изволь.

2

Грузный муж, которого ты видел сегодня, пришел в город, как многие деревенские парни – и, как многие, оказался на мосту. Он мечтал продать свои услуги какой-нибудь графине, которая поселит его в своих покоях при Высоком Дворе и представит кругу своих знатных друзей на частных ужинах. Он проявит свое незатейливое сельское обаяние, рассказывая забавные истории из жизни простонародья; после трех кружек пива он становился прекрасным рассказчиком и умел, прежде всего, посмеяться над собой, без чего никто на нашем ухабистом пути долго не выживает.

Ему мечталось, что знатные дамы оценят его мужественный, хотя и рябой, облик; что он случайно окажется на балу, где перемолвится парой слов с самой малюткой-императрицей, достославной владычицей нашей, вызвав тем гнев и ревность собравшихся там господ; что этак через полгода его патронесса, заведя другого любовника (молодого аристократа, чья надменность пробудит в ней нежные воспоминания о днях и ночах с селянином), обеспечит ему селянину офицерский чин в отдаленном краю, где он испытает множество приключений и станет богат...

Однако через некоторое время – не так скоро, в чем он, по его же словам, винил свое тупоумие, – он понял, что мечты эти столь же эфемерны, как лунные блики на воде под мостом.

В первые дни на мосту, как он мне со смехом рассказывал, один мужчина привел его к себе, где он предался любви с надушенной страстной женщиной – его молодой женой, по словам заказчика. Такая работа пришлась ему по душе, но на другой раз она ему выпала только через три месяца, когда пожилой человек отвел его к своей сорокалетней любовнице – мне, кстати, было столько же, когда мы с ним встретились.

Против женщин в годах мой приятель ничего не имел, но дама отлучилась куда-то. Они долго ждали в богатом доме заказчика, пили сидр и беседовали. Затем мужчина извинился, заплатил ему половину условленного и отправил восвояси.

Больше на первых порах женщин ему не доводилось обслуживать.

Над замусоренными водами Шпоры основными его клиентами, которые платили ему сущие гроши – а порой он соглашался только на ужин или ночлег, – были мужчины: писцы, ремесленники, рабочие, купцы, армейские офицеры, рыночные торговцы, возницы и те, что скрывали свой род занятий.

Знатные дамы порой проходили мимо под зонтиками, в сопровождении служанок и компаньенок; они направлялись на рынок, где кто-то из их знакомых видел нечто диковинное, но на мосту ничего не покупали: в Колхари это не принято.

Если ты помнишь, я в те дни, когда еще не проявился мой комический дар, работал все больше с другими актерами, обучая их и натаскивая.

Как мы с ним познакомились?

Я, проходя со Шпоры в более зажиточные кварталы, несомненно не раз замечал его наравне с другими парнями, хлебавшими пиво и окликавшими женщин: «Эй, ягодка, я ж вижу, что тебе приглянулся!»

Замечал и скорей всего думал, что на свой лад он хорош, но потом решал, что он вовсе не в моем вкусе и не стоит даже улыбаться ему. Как-то я увидел, что с ним говорит пожилой торговец зерном, и услышал, как парень его называет «отче».

Этот старикан явно был его постоянным клиентом – я так и не набрался смелости спросить, сам ли он придумал так называть старика или купец того требовал, но в тот миг убедился, что этот юноша привлекательней всех на мосту. Глупец ты был, шептала мне ревность, что до сих пор не проявил к нему интереса.

Те, кто никогда не пользуется продажной любовью, полагают, что мы – те, кто пользуется – делаем это, избегая душевных мук, сопряженных с любовью высокой, и боясь быть отвергнутыми предметом своей влюбленности. Они чувствуют моральное превосходство над нами оттого, что сами охотно идут на такие муки; они думают, что эти страдания очищают их непостижимым для нас образом и закаляют подобно ледяной воде горных ручьев. Им неведомо, что купля-продажа отнюдь не отменяет любовных страданий и даже делает их еще более жгучими; с каждой новой сделкой мы увеличиваем возможность снова их испытать.

Назавтра после его свидания с тем стариком я снова его увидел. Я шел задумавшись и лишь за шаг от него понял, что это он. Но однажды вечером, когда солнце висело в желтых облаках наподобие медного гонга, народу на мосту почему-то собралось втрое меньше обыкновенного. Он, обнаженный, стоял спиной к перилам, положив на них локти, упершись одной ногой в парапет. Пивной мех лежал рядом.

Я посмотрел на него.

Он улыбнулся.

Я хотел отвести взгляд, но не отвел.

Когда я шел мимо, все так же не сводя с него глаз, он вдруг протянул мне свою мозолистую крестьянскую руку и сказал просто: «Здравствуй, как поживаешь?»

Мы обменялись рукопожатием. Я спросил его о том же, он предложил мне теплого пива – и я, решительно предпочитающий сидр, выпил.

Сначала мы просто беседовали. Теперь я знаю, что он, будучи о себе очень скромного мнения, радовался всякий раз, когда к нему хоть кто-нибудь подходил. Но искренняя радость женщины или мальчика при виде клиента – редкостная приправа для их товара. Вскоре я уже задавал откровенные вопросы относительно стоимости разных услуг, давая понять, что я солидный клиент, а он столь же откровенно и разумно отвечал мне.

Договорившись, я предложил пополнить его мех, за что он был благодарен.

С тех пор я знавал юношей моложе и вместе опытнее его: они делали свое дело, брали плату и уходили. Я несколько их не виню, но всего за пять лет до того теплого вечера мог бы поклясться, что уж я-то никогда не стану платить за любовь! По-своему я был столь же неопытным покупателем, как он продавцом. Покупать и продавать что-то другое нам, конечно же, приходилось – я лишь пытаюсь передать тебе всю меру нашей невинности. Меня удивляет лишь, что неопытность не помешала ему сразу понять, что больших денег он от меня не увидит.

Впрочем, более изощренный наблюдатель, привычный к сделкам такого рода, мог бы сказать, что наша дружба – если это можно так назвать – началась с довольно щедрого предложения. Я тогда неплохо заработал, представляя в одном частном доме – не у тебя ли?

Ну конечно. Ты это помнишь, а я позабыл.

Мне совестно рассказывать, на что пошли деньги, которые твой дядя не поскупился отсыпать...

Хотя ты прав – спустя столько лет...

Так вот: на деньги, которые мне отсыпали твои родичи, я напоил его допьяна, накормил досыта, дал несколько монет сверх того и снял ему дешевую комнату, заплатив за неделю вперед.

Насладился им и вернулся на ночь в свою повозку.

Утром я стучался к нему. Он сонный, впускал меня. Мы сидели на его кровати и разговаривали.

Говорил больше я – он по утрам был не особо общителен, хотя всегда брал с меня слово, что я и завтра приду, как будто звук моего голоса был ему приятней наших любовных утех. Он слушал меня прилежно – во всяком разе, притворялся, что слушает.

Я, что бы он ни думал обо мне как о любовнике, пришелся ему по душе. Оно и понятно: ведь он, впервые за много месяцев, ночевал три ночи кряду под той же крышей.

Я привел его к нам. Он был таким деревенщиной, что никогда не заходил дальше фонтана посреди рынка и не знал, что мы испокон веку ставим наши повозки на другой стороне площади!

Я дал ему посмотреть спектакль из повозки с декорациями, и вот тогда он заговорил.

Он случайно заметил, что из угла скалится один из наших драконов – как тот, под которым сидишь теперь ты – всполошился и вспоминал потом об этом раз двадцать: дурак-де я был, что испугался такого чучела. Но по его ухмылке я видел, что это был приятный испуг. Я часто расспрашивал его, с кем он спал раньше, и рассказывал ему о своих похождениях. Да, у него были свои прихоти в этом деле – кажется, он любил конопатых женщин...

Прихоти были и у меня, и он им подчинялся безропотно. «Хочешь, так давай. Главное, чтоб тебе хорошо было». Я не знал тогда, как редко это можно услышать от столь юного существа, и принимал все как должное. А после полагал, что мои причуды теперь известны всем на мосту – но оказалось, что он и словом о них не обмолвился; такая сдержанность сделала бы честь и человеку куда более высокого рода. Поэтому и о его предпочтениях не стану распространяться. Скажу лишь, что они были безобидными, даже милыми, и меня трогало, что он мне доверился.

К тому времени он переспал всего с семью женщинами: шесть были деревенские девки и молодки, седьмая – жена того мужчины, что нанял его на мосту. «Какое совпадение! – сказал я. – У меня за всю жизнь тоже было только семь женщин, а ведь я вдвое старше тебя».

Подобно многим пришельцам из сельской глуши, он, помимо грез о знатной даме (или господине), которые будут содержать его в праздной роскоши, мечтал о сыне, о жене – именно в таком порядке – и, пожалуй, о паре любящих дочек. Они будут жить в маленьком домике – в таком же, как я со временем понял, где он жил и трудился до прихода в Колхари. В этом месте я обычно вставлял: «Подбери себе, кроме того, такое занятие, чтоб не бывать дома месяцев восемь в году, и будет совсем хорошо».

Он смеялся, но, думаю, оценил мой совет, когда сошелся с вдовой – и вскоре выбрал себе как раз такое занятие.

Случалось, что он тосковал по дому; я выслушивал его, не совсем понимая, и как-то сказал: «Так почему бы тебе просто не съездить туда?»

«Нет, это слишком далеко. Я в город четыре дня шел».

Я заметил ему, что четырехдневный пеший путь можно проделать в повозке за полтора дня. Кроме того, я знал, как зовется его деревня, и она вовсе не так уж далеко находилась. Четыре дня он не иначе шел потому лишь, что то и дело сбивался с дороги. Но когда он неделю пробыл на моем содержании, я стал чувствовать себя ответственным за него. Мне это, во-первых, не очень-то нравилось, а во-вторых, я просто не мог себе такого позволить на обычные лицедейские заработки; щедрые даяния, как в доме твоего дяди, мне не часто перепали.

Поэтому вечером накануне того, как за его комнату следовало снова платить, я предложил ему ранним утром пойти на рынок, найти возницу, едущего в нужную сторону, и заплатить железную монетку за дорогу в его родную деревню. Он по наивности своей не знал даже, что это возможно. Теперь такие поездки вошли в обычай, но тогда малютка-императрица, кажется, не велела еще поставить навес для путников. Приходилось ходить по всему рынку и спрашивать обратных, кто куда едет – но многие тем не менее это делали.

Итак, чуть свет я пришел к нему, растолкал, и мы отправились. Второй же спрошенный мной возница направил нас к третьему, радушному и дородному – точно такому, каким мой друг стал теперь. Он охотно брался доставить парня в родную деревню, что была ему по дороге.

«Вот и хорошо, – сказал я, вручая возчику две монетки. – Будешь дома завтра к полудню».

«Завтра? – откликнулся тот и вернул мне одну монету. – Доедем нынче же к вечеру! Я честный труженик и лишнего брать не стану».

Мой приятель захлопал еще не проспавшимися глазами, услышав, что его дом так близко, и они покатали с рынка, где ларьки еще только ставили.

Комната была оплачена до заката – обычаем, которого мне очень не хватает теперь, когда хозяева норовят выставить тебя уже в полдень, – и я час спустя вернулся туда с новым приятелем, постарше и поопытней прежнего. Я тогда, как мне помнится, привязался к нему куда больше, чем к юнцу, которого отправил в деревню. Мы с ним предавались страсти, пока я не спохватился, что опаздываю на представление – грех, случившийся со мной всего трижды за всю мою жизнь. Теперь же я не могу вспомнить ни имени, ни лица того, ради кого согрешил.

3

Моего селянина не было в городе три-четыре недели. Не знаю, как и когда он вернулся: у него хватило такта и разума не разыскивать меня сразу по возвращении. Он, при всем моем дружелюбии, понял, что я отсылал его навсегда – именно его чуткость и побудила меня снова искать с ним встречи. Около месяца спустя я неожиданно увидел его на улице, издали, а через пару дней чуть было не столкнулся с ним на мосту. Он разговаривал с молодым варваром и пожилым клиентом, который явно хотел их обоих. Меня он не видел или притворился, что не видит. Я счел за лучшее не прерывать их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.